

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Р.И. Капелюшников

**ЗАНЯТОСТЬ В ДОМАШНИХ
ХОЗЯЙСТВАХ НАСЕЛЕНИЯ**

Препринт WP3/2005/01

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
ГУ ВШЭ
2005

УДК 331.526
ББК 65.240
К 20

К 20   **Капелюшников Р.И.** Занятость в домашних хозяйствах населения. Препринт WP3/2005/01. — М.: ГУ ВШЭ, 2005. — 60 с.

В исследовании рассматривается одна из наиболее необычных форм занятости в условиях российского рынка труда — работа в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ). На основе обследований по проблемам занятости Госкомстата России оценивается численность занятых и продолжительность рабочего времени в домашних хозяйствах населения. Из полученных автором оценок следует, что с учетом работающих в ЛПХ уровень занятости в России является одним из самых высоких в мире. Специальный раздел посвящен анализу социально-демографических характеристик занятых в этом секторе. Прослеживаются изменения в ресурсной базе и объемах выпуска ЛПХ, а также оценивается их вклад в доходы и потребление российских домохозяйств. Автор приходит к выводу, что ситуация, когда в пик аграрного сезона почти половина всего взрослого населения трудится на приусадебных и дачных участках, является неожиданной для такой индустриализованной и урбанизированной страны, как Россия и свидетельствует о крайне нерациональном использовании ее трудового потенциала.

УДК 331.526
ББК 65.240

Kapelyushnikov R. Employment in the Russian Subsidiary Agriculture. Working paper WP3/2005/01. — Moscow: State University — Higher School of Economics, 2005. — 60 p. (in Russian).

The paper discusses one the most peculiar form of non-standard employment in the Russian labor market — engagement in personal subsidiary agriculture. Using micro-data from the Russian labor force surveys author provides quantitative estimates of employment and hours worked in this sector. According to his findings including subsistence farmers raises employment-population ratio in Russia by 10 percentage points and it turns out one the highest in the world. Special attention is paid to description of social and demographic characteristics of persons involved in domestic agriculture. The dynamics of agricultural household production over the post-reform period is analyzed and its contribution to household consumption is estimated. The main conclusion is that for such highly industrialized and urbanized country as Russia the situation when at the peak of agricultural season about half of her adult population works on personal subsidiary plots of lands is fairly surprising and testifies to a huge waste of available labor resources.

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте <http://www.hse.ru/science/preprint/>

© R. Kapelyushnikov, 2005
© Оформление ГУ ВШЭ, 2005

Введение*

Традиционно подавляющее большинство исследований, посвященных рынку труда, сосредоточивались на изучении так называемой “стандартной” занятости, т.е. занятости по бессрочным контрактам на полное рабочее время. Именно она составляла ядро рабочей силы в индустриально развитых странах. Однако в последние десятилетия во всем мире все более пристальное внимание как экономистов, так и политиков стали привлекать различные формы нестандартных трудовых отношений, отклоняющиеся от “классического” типа занятости. Особенно широкое распространение нестандартная занятость получила на рынках труда постсоциалистических стран, где ею оказалась охвачена значительная часть рабочей силы.

Нестандартная занятость чрезвычайно неоднородное явление. Одним из ее важнейших компонентов выступает производство товаров и услуг (прежде всего сельскохозяйственной продукции) в домашних хозяйствах населения. На российском рынке труда данный тип нестандартной занятости является наиболее масштабным и количественно намного превосходит другие ее разновидности. Не будет преувеличением сказать, что это один из наиболее своеобразных и вместе с тем наименее изученных феноменов российской переходной экономики. Действительно, трудно было предполагать, что в такой индустриализованной и урбанизированной стране, располагающей высокообразованной рабочей силой и развитой сферой услуг, какой является сегодняшняя Россия, может существовать гигантский анклав экономики самообеспечения, в функционирование которого вовлечена подавляющая часть населения.

Существуют различные подходы к объяснению этого парадоксального явления. Согласно доминирующей точке зрения, бурное развитие экономики самообеспечения явилось отражением стратегии выживания, избранной в пореформенный период большинством российских граждан. Миллионы людей устремились на приусадебные и дачные участки, с тем чтобы попытаться собственными силами обеспечить себя необходимыми средствами существования. Однако далеко не все исследователи согласны с этой интерпретацией, которую можно считать общепринятой. Так, С. Кларк полагает, что “дачное производство” представляет собой механизм самострахования российских семей от рисков, связанных с угрозой физического исчезно-

---

* Автор выражает искреннюю признательность за критические замечания и полезные комментарии В. Гимпельсону, В. Дребенцову и А. Полетаеву.

вения продуктов питания, причем угрозы, основанной не столько на рациональных соображениях, сколько на исторической памяти о периодах массового голода и недоедания¹. Он приводит данные, свидетельствующие, что экономическое значение личных подсобных хозяйств сильно преувеличено. По мнению А. Полетаева, “садово-огородную” активность населения следует рассматривать прежде всего как специфически российскую форму рекреации².

Но независимо от достоинств и недостатков этих альтернативных трактовок, очевидно, что в подсобное сельскохозяйственное производство вовлечены десятки миллионов российских семей и что это накладывает сильнейший отпечаток на общий механизм функционирования российского рынка труда. К сожалению, до сих пор эта своеобразная форма нестандартной занятости не становилась предметом специального анализа.

В настоящей работе сначала будут рассмотрены некоторые методологические вопросы, возникающие при изучении занятости в хозяйствах населения. Вслед за этим мы представим обобщенные оценки, характеризующие масштабы занятости в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ). Вовлеченность различных групп населения в подсобное сельское хозяйство неодинакова и поэтому специальный раздел будет посвящен анализу социально-демографического профиля работающих в этом секторе. Затем мы обратимся к не менее важной и интересной теме — оценке затрат рабочего времени в ЛПХ. К сожалению, изучение этих проблем наталкивается на серьезные информационные ограничения. Дело в том, что прямые данные о численности занятых и продолжительности рабочего времени в ЛПХ доступны лишь начиная с 1999 г. Чтобы получить представление о динамике за более длительный период (а переломным моментом, насколько можно судить, явилось начало 1990-х гг.), приходится обращаться к альтернативным источникам данных. Поэтому в последующих разделах анализируются изменения в ресурсной базе и объемах продукции подсобного сельского хозяйства. Косвенным образом эти оценки позволяют судить о вероятной динамике занятости в хозяйствах населения на протяжении всего пореформенного периода, если исходить из естественного предположения, что траектория ее изменения должна была быть более или менее близкой к траекториям изменения как ресурсной базы, так и выпуска в этом секторе. Наконец, мы попытаемся ответить на вопрос, насколько велик вклад ЛПХ в доходы и потребление российских домохозяйств. По-

---

¹ Clarke S. Making Ends Meet in Contemporary Russia: Secondary Employment, Subsidiary Agriculture and Social Network. Cheltenham: Edward Elgar, 2002.

² Полетаев А.В. Эффективность функционирования российского рынка труда: Препринт WP3/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

сколько имеющиеся на этот счет статистические данные весьма ограничены и противоречивы, полученные оценки следует рассматривать скорее как ориентировочные. В Заключении будут сформулированы основные выводы проделанного исследования.

1. Методологические пояснения

В международной статистике не существует единой общепринятой трактовки производственной деятельности домашних хозяйств. Исходя из определений, принятых 15-й Международной конференцией статистиков труда и поддержанных Статистической комиссией ООН, предприятия домохозяйств, производящие товары и услуги для реализации на рынке, относятся к неформальному сектору экономики, а вовлеченные в их деятельность лица считаются “занятыми”. Аналогичным образом должны квалифицироваться и лица, участвующие в домашнем производстве товаров и услуг исключительно для собственного потребления, если производимая ими продукция составляет существенную часть общего объема потребления домохозяйств. Однако если товары и услуги, производимые индивидом “для себя”, составляют несущественную долю в общем объеме потребления семьи, он, согласно методологическим рекомендациям Международной организации труда (МОТ), должен рассматриваться как “незанятый” и включаться в состав либо безработных, либо экономически неактивного населения³.

К сожалению, рекомендации МОТ не содержат точных разъяснений, где должна проходить граница между “существенным” и “несущественным” вкладом в потребление домохозяйств, оставляя решение этого вопроса на усмотрение национальных статистических органов. Неудивительно поэтому, что при учете данной категории лиц между различными странами наблюдаются большие расхождения. Добавим, что хотя, согласно методологическим рекомендациям МОТ, многие из тех, кто производят продукцию для собственного конечного потребления, не относятся к числу “занятых”, де-факто они принимают участие в создании валового национального продукта. В рамках концепции СНС производимые для собственного потребления сельскохозяйственные продукты включаются в объем ВВП и квалифицируются как выпуск нерыночных некорпорированных предприятий, принадлежащих домашним хозяйствам⁴.

---

³ Yearbook of Labour Statistics. Geneva: International Labour Office: Geneva, 2001; Key Indicators of the Labour Market. Geneva: International Labour Office: Geneva, 2002.

тике неформального сектора, где рекомендуется выделять активность в нерыночном сегменте сель-

Возникающие здесь сложности отчетливо видны на примере российской статистической практики. С одной стороны, продукция, производимая в личных подсобных хозяйствах населения, учитывается Госкомстатом России как часть ВВП. С другой стороны, лишь небольшая часть работающих в ЛПХ традиционно включается российской статистикой в состав занятого населения.

Как известно, в дореформенный период и затем в первые пореформенные годы основным инструментом статистического измерения занятости служил Баланс трудовых ресурсов (БТР). Хотя в рамках БТР лица, работавшие в ЛПХ, не считались “занятыми в народном хозяйстве”, они тем не менее выделялись в особую категорию и при оценке общего уровня занятости в экономике прибавлялись к числу занятых, рассчитанному на основе БТР. Соответственно официально публиковавшиеся данные о численности занятых являлись скорректированными и включали лиц, работавших в личных подсобных хозяйствах. Однако фактически речь шла всего лишь об одной подгруппе участников домашнего производства — тех, кто производили сельскохозяйственную продукцию для продажи и помимо этой деятельности не имели никакой другой “официальной” работы. (Количественно она оценивалась в 1,5—2,5 млн. человек.)

Начиная с 1992 г. Госкомстатом России были организованы регулярные выборочные Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ). К настоящему времени они стали основным инструментом статистического измерения занятости в российской экономике. Помимо общей информации об уровнях занятости, безработицы, экономической неактивности и т.д. в рамках ОНПЗ собираются данные о производственной деятельности респондентов в ЛПХ и ее продолжительности в течение обследуемой недели. Это открывает возможности для получения количественных оценок затрат труда в хозяйствах населения⁵.

Следует, однако, оговориться, что Госкомстат России начал осуществлять статистически корректное измерение занятости в данном секторе с большим запозданием. В 1992—1998 гг. соответствующая информация в сколько-нибудь полном объеме не собиралась. На практике это означало, что в рамках ОНПЗ все лица, чья трудовая активность ограничивалась ЛПХ, классифицировались как “незанятые” (т.е. либо как безработные, либо как экономически неактивные). Только в 1999 г. в анкеты ОНПЗ был включен специальный блок вопросов, посвященных интересующей нас проблеме. С этого момента в них в качестве особой группы стали выделяться лица, занятые “в хозяйствах населения

ского хозяйства в качестве самостоятельной категории и в зависимости от национальной специфики рассматривать ее как часть неформального сектора экономики (Ненаблюдаемая экономика: попытка количественных измерений / Под ред. А.Е. Суринова. М.: Финстатинформ, 2003. С. 65).

ований населения по проблемам занятости. М.: Госкомстат России, 2002.

производством продукции сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и т.д.” Те из них, кто производят эту продукцию для реализации на рынке (полностью или частично), получили статус “занятых”. Те же, кто производят ее исключительно “для себя”, по-прежнему квалифицируются как “незанятые” независимо от того, какое место в общем объеме потребления домохозяйств она занимает. На наш взгляд, это свидетельствует о сохраняющихся отклонениях от общих методологических принципов, выработанных экспертами МОТ, а также об определенных расхождениях с концепцией СНС.

В настоящей работе предпочтение будет отдано более общему подходу. Объектом нашего анализа являются *все лица*, участвующие в подсобном сельскохозяйственном производстве, независимо от того, каково предназначение выпускаемой ими продукции — для реализации на рынке или для собственного потребления, и независимо от того, имеют ли они помимо этого какое-либо другое доходное занятие или нет.

Но сначала — несколько терминологических уточнений. Подсобное сельскохозяйственное производство неоднородно. Выделяются две основные его формы. Оно может осуществляться, во-первых, на приусадебных и полевых участках, принадлежащих сельским жителям (реже — жителям малых городов), и во-вторых, на садовых, огородных и дачных участках, принадлежащих городским жителям (официальные определения этих форм землепользования приведены во Вставке 1).

Обычно для обозначения сельскохозяйственного производства в “домашних” условиях используется термин “личные подсобные хозяйства”. К сожалению, он не имеет однозначного определения. Иногда им обозначают весь сектор подсобного сельского хозяйства (расширительная трактовка), а иногда только приусадебные хозяйства сельских жителей (суженная трактовка)⁶. Чтобы избежать возможных разночтений, мы предлагаем исходить из следующих условных определений. Для обозначения всего сектора подсобного сельского хозяйства будет использоваться термин “личные подсобные хозяйства”, для обозначения сельскохозяйственного производства на приусадебных и полевых участках сельских жителей — термин “приусадебные хозяйства”, а для обозначения садово-огородной деятельности городских жителей — термин “дачные хозяйства”.

Вставка 1

Официальные определения Госкомстата России

“К хозяйствам населения относятся личные подсобные хозяйства граждан, садовые, огородные, дачные земельные участки и др.

---

⁶ Эта терминологическая непоследовательность характерна, в частности, для ряда официальных публикаций Госкомстата России.

Личные подсобные хозяйства — форма сельскохозяйственного производства, осуществляемого личным трудом гражданина или членов его семьи в целях удовлетворения потребностей в продовольствии и иных нуждах. Землепользование хозяйств может состоять из приусадебных и полевых участков.

Садовые, огородные и дачные земельные участки — форма землепользования, при которой земля предоставляется гражданам или приобретает ими для выращивания сельскохозяйственных культур или отдыха. При этом граждане создают на добровольных началах садоводческие, огороднические, дачные некоммерческие объединения или ведут хозяйство в индивидуальном порядке”.

Источник: Сельское хозяйство в 2002 г. М.: Госкомстат России, 2003.

2. Масштабы и структура занятости в личных подсобных хозяйствах населения

Российский опыт измерения занятости в хозяйствах населения служит драматической иллюстрацией того, как сильно результаты статистических наблюдений зависят от структуры опросных листов и формулировок конкретных вопросов. Как уже было отмечено, попытки оценить ее начали предприниматься Госкомстатом России сразу же, как только было организовано проведение ОНПЗ. Анкеты обследований 1992—1996 гг. включали вопрос, касающийся “рыночного” сегмента занятости в ЛПХ (его точная формулировка воспроизведена во Вставке 2). Однако первые результаты оказались обескураживающими: по данным ОНПЗ получалось, что производством сельскохозяйственной продукции в ЛПХ с целью ее реализации на рынке было занято менее 100 тыс. человек (табл. 1). Эти цифры были настолько неправдоподобны, что Госкомстат России никогда не публиковал их, а в 1997 г. вообще исключил соответствующий вопрос из анкет ОНПЗ.

Однако в 1999 г. он был введен вновь, но на этот раз в полностью измененной формулировке (см. Вставку 2). Теперь респондентов стали спрашивать об их участии в домашнем производстве товаров и услуг уже не только для реализации, но и для собственного потребления. Новые результаты превысили прежние сразу на несколько порядков. Согласно оценкам, полученным в 1999—2000 гг., деятельностью в ЛПХ было охвачено свыше 20 млн. человек, в том числе около 3 млн. производили сельскохозяйственную продукцию на продажу, не имея другого доходного занятия (см. табл. 1).

В 2001 г. анкеты ОНПЗ были пересмотрены еще раз. Во-первых, в ключевой вопрос относительно деятельности в ЛПХ было внесено важное уточнение. Дело в том, что в первоначальной формулировке многие респонденты могли

Таблица 1. Занятость населения производством сельскохозяйственной продукции в домашних хозяйствах, 1992–2002 гг.

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Занятые производством сельскохозяйственной продукции в домашних хозяйствах, всего (тыс. человек)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	20657	27567	27145
В том числе: предназначенной для реализации (рыночный сегмент ЛПХ)	81	34	45	43	14	Н.д.	Н.д.	5711	5587	4002	3922
из них: занятые только этой деятельностью (первично занятые)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	2792	2747	2184	1964
имеющие помимо этого другое доходное занятие (вторично занятые)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	2919	2838	1818	1931
предназначенной для собственного конечного потребления (нерыночный сегмент ЛПХ)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	15364	15070	23556	23223
из них: занятые только этой деятельностью (первично занятые)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	7535	7259	10556	10355
имеющие помимо этого другое доходное занятие (вторично занятые)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	7829	7811	13009	12868
Все занятые в подсобном сельском хозяйстве как % занятого населения (включая работающих в ЛПХ, не имеющих другого доходного занятия)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	31,5	28,9	36,8	35,5
Первично занятые в подсобном сельском хозяйстве как % занятого населения (включая работающих в ЛПХ, не имеющих другого доходного занятия)	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	14,8	14,1	15,3	16,1

Источник: здесь и далее данные Госкомстата России.

воспринимать его как адресованный исключительно сельским жителям, имеющим приусадебные участки, но не касающийся горожан-дачников. Уточненная формулировка минимизировала вероятность такого недопонимания (см. Вставку 2). Во-вторых, в анкеты был включен дополнительный вопрос об участии респондентов в домашних заготовках (сборе грибов, ягод и т. п.). В результате произведенных изменений численность занятых в хозяйствах возросла дополнительно более чем на 6 млн. человек, а для пика аграрного сезона, приходящегося на август, “прирост” составил астрономическую цифру — порядка 15 млн. человек! (см. соответствующие оценки за 2001—2002 гг. в табл. 1).

Вставка 2

Вопросы о производстве сельскохозяйственной продукции в домашних хозяйствах населения

ОМПЗ, 1992—1996 гг.:

В4. Возможно, Вы занимались производством сельскохозяйственной продукции, выращиванием цветов, ловлей рыбы, сбором грибов и ягод с целью продажи добытого и произведенного или продавали эти продукты?

ОМПЗ, 1999—2000 гг.:

В66. Были ли Вы заняты на обследуемой неделе в личном подсобном сельском хозяйстве?

В70. Скажите, пожалуйста, продукция, полученная в Вашем личном подсобном сельском хозяйстве используется только для собственного потребления или же какая-то часть продается?

ОМПЗ, 2001—2002 гг.:

В66. Были ли Вы заняты на обследуемой неделе в личном подсобном хозяйстве (включая садовые и огородные земельные участки)?

В70. Скажите, пожалуйста, продукция, полученная в Вашем личном подсобном сельском хозяйстве (непосредственно или путем переработки) предназначена в основном для собственного потребления или же какая-то часть регулярно продается?

В70—1. Были ли Вы заняты на обследуемой неделе заготовкой дров, дикорастущих лесных продуктов, пушнины и дичи, рыбной ловлей, или переработкой этих продуктов, заготовленных членами Вашего домашнего хозяйства, изготовлением вино-водочных изделий?

В70—5. Скажите, пожалуйста, продукты, заготовленные членами Вашего домашнего хозяйства (непосредственно или путем переработки), предназначены в основном для собственного потребления или же какая-то часть регулярно продается?

Остановимся теперь более подробно на оценках за 2002 г. — последний год рассматриваемого нами периода. Из них следует, что в этом году производством сельскохозяйственных продуктов в “домашних условиях” были заняты 27,1 млн. человек, а в самом “горячем” месяце (августе) их численность превышала 40 млн⁷. Таким образом, в настоящее время сектор самообеспечения российской экономики охватывает почти четвертую часть всего взрослого населения страны, а в пик аграрного сезона уровень занятости в нем приближается к 40%. Для страны, находящейся на пути от индустриального к постиндустриальному обществу, эти показатели выглядят более чем парадоксально.

С подсобным сельским хозяйством так или иначе были связаны более 35% всех занятых в российской экономике (см. табл. 1)⁸. Для 16% работа в нем являлась единственной формой трудовой активности. Другими словами, деятельность примерно каждого седьмого работающего ограничивалась пределами приусадебного или дачного участка.

Не менее выразительным оказывается сопоставление с численностью занятых в “формальном” секторе российского сельского хозяйства⁹. В 2002 г., по данным ОНПЗ, в нем было сосредоточено 5,3 млн. человек¹⁰. Это означает, что “неофициальная” сельскохозяйственная занятость более чем в 5 раз (!) превосходила “официальную”. Даже если исключить тех, для кого работа в ЛПХ являлась дополнительной, и ограничиться только теми, для кого она была единственной, все равно “официальная” сельскохозяйственная за-

---

⁷ Помимо занятых в ЛПХ в анкетах ОНПЗ выделяется еще одна близкая группа — лица, занимающиеся производством в домашнем хозяйстве промышленных товаров или услуг. Ее численность сравнительно невелика (в 1999—2002 гг. она оценивалась примерно в 300 тыс. человек) и в дальнейшем анализе мы не будем принимать ее во внимание. Следует также учитывать, что примерно у 0,5% занятых в ЛПХ производимая продукция является промышленной, а не сельскохозяйственной, и следовательно с формальной точки зрения они являются работниками промышленности, а не сельского хозяйства. Однако для простоты мы будем считать всю занятость в ЛПХ относящейся к сельскому хозяйству.

⁸ Общая численность занятых определялась в данном случае как сумма “официально” занятых плюс первично занятые в нерыночном сегменте ЛПХ (т.е. лица, производившие сельскохозяйственную продукцию для собственного потребления и не имевшие при этом другого доходного занятия).

⁹ Говоря о “формально” занятых в сельском хозяйстве, мы имеем в виду всех, кто не принадлежит к сектору ЛПХ. Поскольку такое словоупотребление не соответствует общепринятому определению (скажем, к формальному сектору не относятся также занятые в фермерских хозяйствах), мы берем это выражение в кавычки.

¹⁰ Общее число работников сельского и лесного хозяйства равнялось в 2002 г. 7,3 млн. человек. Но из него необходимо вычесть около 2 млн. человек, работавших в ЛПХ с целью реализации производившейся ими продукции на рынке. Таким образом мы выходим на цифру 5,3 млн. занятых в “формальном” секторе российского сельского хозяйства.

нятость оказывается вдвое меньше “неофициальной”. Приведенные оценки наглядно демонстрируют, насколько нестандартно с институциональной точки зрения организовано российское сельское хозяйство.

Занятость в ЛПХ складывается из нескольких составляющих: а) лиц, производящих сельскохозяйственную продукцию *для реализации* (рыночный сегмент), и лиц, производящих ее *для собственного потребления* (нерыночный сегмент); б) лиц, для которых работа в ЛПХ является *основной* (первично занятые), и лиц, для которых она является *дополнительной* (вторично занятые). Кроме того, для занятых в нерыночном сегменте ЛПХ Госкомстат России производит группировку по продолжительности рабочего времени на обследуемой неделе — *более 30 и 30 и менее часов*.

Схематически распределение по этим подгруппам, каким оно было в 2002 г., представлено на рис. 1. Как видим, нерыночный сегмент подсобного сельского хозяйства намного превосходил рыночный: 23,2 млн. человек против 3,9 млн. Таким образом, занятость в ЛПХ на 86% формировалась из тех, кто производили сельскохозяйственную продукцию не для продажи, а исключительно для собственного конечного потребления. Для 12,3 млн. человек работа в подсобном сельском хозяйстве являлась единственной, а для 14,8 млн. — дополнительной. Соответственно занятость в ЛПХ делилась на первичную и вторичную в очень близкой пропорции — 45 и 55%.

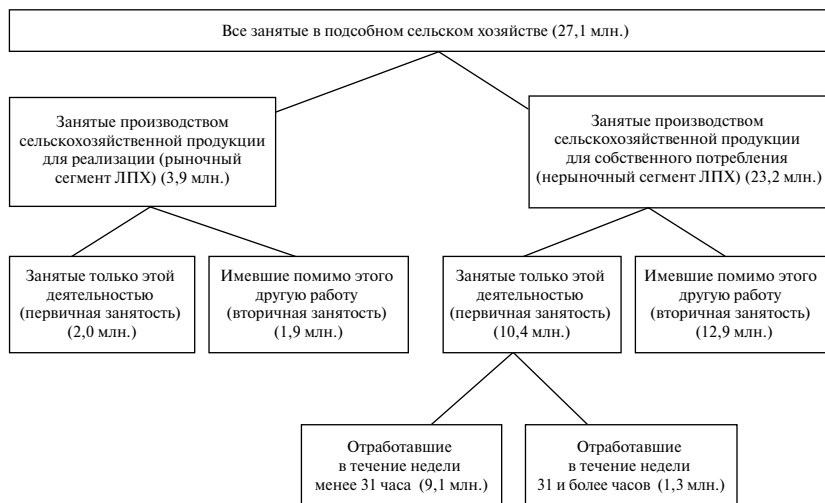
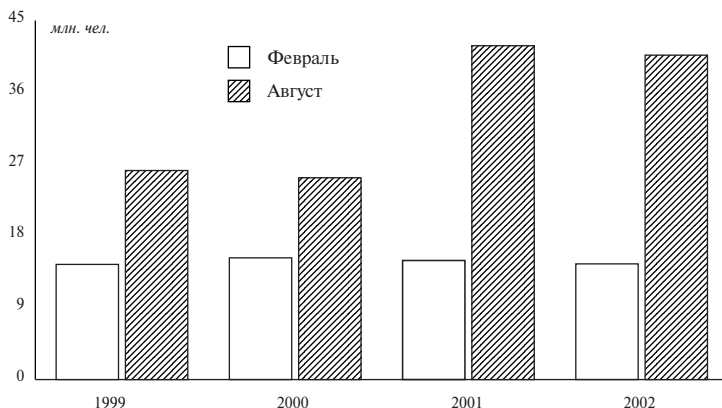

Рис. 1. Занятость населения производством сельскохозяйственной продукции в домашнем хозяйстве (2002 г.)

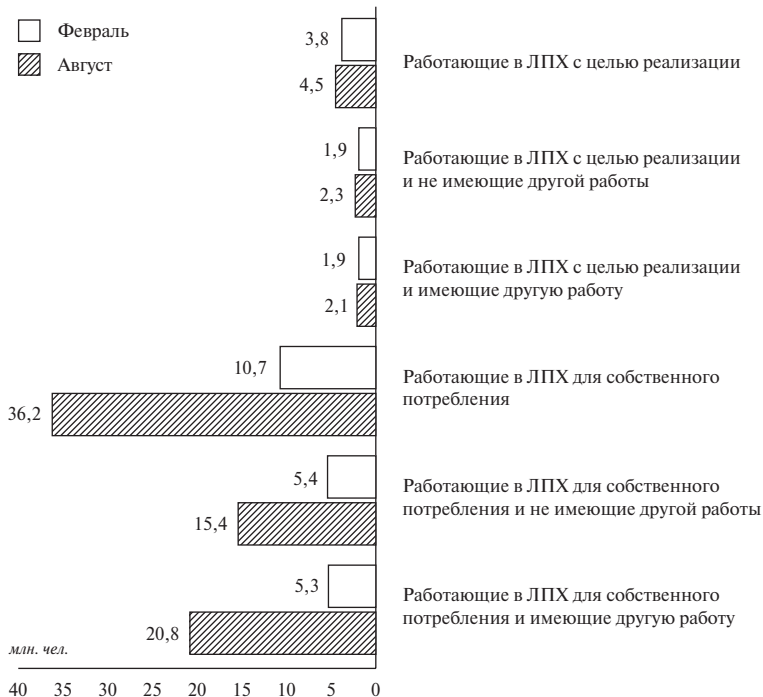
Экономической деятельности домашних хозяйств населения присуща отчетливо выраженная сезонность. На рис. 2 представлены показатели занятости в ЛПХ в периоды сезонного спада (февраль) и сезонного пика (август), относящиеся к 1999—2002 гг. Из них следует, что в летний сезон численность занятых в подсобном сельском хозяйстве возрастает почти втрое. Так, в 2002 г. общий прирост занятости в ЛПХ в августе по сравнению с февралем составил более 25 млн. человек.

Рис. 2. Занятость в ЛПХ в периоды сезонного спада и сезонного пика, 1999—2002 гг., млн. чел.

За счет каких компонентов происходят преимущественно эти колебания? На рис. 3 отражены изменения в численности занятых в периоды сезонного спада и сезонного пика в различных сегментах ЛПХ. Из него следует, что колебания в численности занятых в рыночном сегменте являются очень незначительными — сезонный прирост не более 15—20% (примерно 0,7 млн. человек). В отличие от этого нерыночная занятость возрастает в летний сезон в три-четыре раза. Особенно сильный дополнительный приток (свыше 15 млн. человек) дают те, для кого работа в ЛПХ является вторичной.

Другой возможный подход к анализу структуры занятости в ЛПХ связан с выделением подгрупп в зависимости от характера их деятельности. Как уже упоминалось, в материалах ОНПЗ различаются две такие подгруппы: занятые собственным сельскохозяйственным производством и занятые домашними заготовками (сбором грибов, дикорастущих растений и т.д.). Как и следовало ожидать, по численности первая группа превосходит вторую. Так, в 2002 г. для 25,4 млн. человек занятость в ЛПХ была связана с производством сельскохозяйственной продукции и лишь для 0,5 млн. с до-

Рис. 3. Занятость в ЛПХ в феврале и августе 2002 г. по категориям занятых, млн. чел.

машинными заготовками (1,3 млн. человек были задействованы в обоих видах деятельности одновременно).

Необходимо также упомянуть об определенных расхождениях между результатами ОНПЗ и результатами последней переписи населения, проводившейся в конце 2002 г. Перепись выявила примерно 18 млн. человек, указавших ЛПХ в качестве одного из источников получения средств существования (из них в трудоспособном возрасте находились 12,5 млн.). Это существенно ниже аналогичных оценок ОНПЗ.

Скорее всего, отмеченные расхождения объясняются методологическими причинами. Во-первых, в рамках переписи респондентов спрашивали не о занятости, а о поступлении средств от ЛПХ. Многие могли посчитать эти поступления слишком незначительными, чтобы упоминать их в ряду более важных источников дохода. В таком случае оценки, полученные в ходе переписи, можно считать согласующимися с рекомендациями МОТ, в соответствии с которыми лиц, производящих товары и услуги “для себя”,

не следует считать занятыми, если эти товары и услуги не вносят существенного вклада в совокупное потребление домохозяйств. Это означает, что при более строгом следовании методологическим установкам МОТ уровень занятости в ЛПХ мог бы заметно снизиться — с 25% до примерно 15%. Во-вторых, в анкетах переписи никак не специфицировался период, к которому относился вопрос об источниках средств существования. Перепись проводилась в “мертвый сезон” садово-огородной активности. Если в своих ответах большинство респондентов имели в виду текущий период, это также могло резко снизить процент упоминаний о ЛПХ. И действительно: для ноября 2002 г. данные ОНПЗ об участии населения в подсобном сельском хозяйстве (14 млн. человек) практически не расходятся с данными переписи населения¹¹.

Известно, что несмотря на глубокий и затяжной трансформационный спад в российской экономике уровень занятости (*employment-population ratio*) оставался в ней достаточно высоким на протяжении всего переходного периода¹². По официальным оценкам в 2002 г. он был близок к отметке 60%, что является одним из самых высоких показателей среди всех стран с переходной экономикой. При этом, как уже было сказано, работающие в нерыночном сегменте ЛПХ, чья продукция предназначена для непосредственного потребления, не включаются в состав занятого населения.

Такой суженный подход, как уже отмечалось, не вполне соответствует признанным методологическим стандартам статистического измерения. Если применить более широкий подход и относить к занятым также и тех, кто трудятся в нерыночном сегменте ЛПХ, то уровень занятости в России поднимется еще на 10 процентных пунктов, приблизившись к отметке 70%. Во многих странах для близкой категории населения — неоплачиваемых семейных работников — применяется количественный критерий, основанный на продолжительности рабочего времени: те, кто работают 15 и более часов в неделю, считаются занятыми, а те, кто меньше — незанятыми. Даже если применить этот ограничивающий критерий к лицам, работающим в нерыночном сегменте российского подсобного сельского хозяйства, “прибавка” к официальному уровню занятости все равно останется достаточно существенной — 5 процентных пунктов. В результате этих корректировок Россия перемещается в группу стран с самыми высокими показателями занятости не только среди стран с переходной экономикой, но и вообще во всем мире.

---

¹¹ Следует также учитывать, что результаты переписи относятся ко всему населению, тогда как результаты ОНПЗ — только ко взрослому населению в возрасте 15–72 лет.

¹² Обзор занятости в России. М.: Бюро экономического анализа, 2002.

3. Общий социально-демографический профиль занятости в ЛПХ

Занятость в ЛПХ неравномерно распределяется по различным категориям населения. Естественно задаться вопросом: какие социально-демографические группы представлены в ней шире, а какие уже? Какие имеют относительно более высокую, а какие относительно более низкую склонность к участию в подсобном сельскохозяйственном производстве? Анализ показывает, что занятость в ЛПХ имеет множество специфических черт, заметно отличающих ее от занятости в “формальном” секторе.

Описывая профиль занятости в хозяйствах населения, мы будем пользоваться показателями двух типов. Во-первых, это относительные доли тех или иных социально-демографических групп в общей численности занятых в ЛПХ, которые показывают, насколько широко соответствующие группы представлены в этом секторе. Во-вторых, это относительные доли занятых в ЛПХ, принадлежащие тем или иным социально-демографическим группам, в общей численности этих групп. Показатели второго типа, измеряющие степень вовлеченности различных категорий населения в подсобное сельское хозяйство, для краткости будут обозначаться термином “коэффициенты участия” (КУ).

Итак, каковы главные отличительные черты занятости в хозяйствах населения?

Как следует из данных табл. 2, она практически поровну формируется из женщин и мужчин. Доля первых составляет 53%, вторых — 47%. Небольшой перевес в пользу женщин достигается за счет их более высокого представительства среди тех, для кого работа в ЛПХ является единственной (первичной). Мужчины же более склонны совмещать деятельность в подсобном сельском хозяйстве с основной работой в других секторах экономики. В последней графе табл. 2 приведены оценки КУ, которые свидетельствуют об отсутствии сколько-нибудь заметных гендерных различий по этому показателю: в 2002 г. деятельностью на приусадебных и дачных участках были заняты 24,8% женщин и 24,3% мужчин.

Намного более резкие контрасты в поведенческих установках отмечаются между городским и сельским населением (что, впрочем, не удивительно). На долю сельских жителей приходится более половины всех работающих в ЛПХ (56,5%), хотя в общей численности населения страны они составляют немногим больше четверти. Как следствие, у сельских жителей КУ достигает 54% (производственной деятельностью на приусадебных участках занят каждый второй), тогда как у городских составляет лишь 14,4% (“дачным” трудом занят каждый седьмой).

Важным фактором, влияющим на вероятность участия в подсобном сельском хозяйстве, служит возраст. Среди занятых в ЛПХ относительно сильнее

Таблица 2. Социально-демографические характеристики занятых в ЛПХ, 2002 г., %

	Структура занятости в ЛПХ	В том числе по отдельным сегментам:				Коэффициент участия
		рыночная занятость	нерыночная занятость	первичная занятость	вторичная занятость	
По полу:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	
мужчины	47,0	49,1	46,6	41,4	51,6	24,3
женщины	53,0	50,9	53,4	58,6	48,4	24,8
По типу поселения:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	
город	43,5	14,8	48,3	39,1	47,1	14,4
село	56,5	85,2	51,7	60,9	52,9	54,0
По возрасту:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	
15—19 лет	7,3	7,5	7,3	14,2	1,6	16,5
20—24 года	6,8	7,1	6,7	6,3	7,2	17,0
25—29 лет	7,0	7,1	7,0	4,5	9,1	18,5
30—34 года	7,7	8,6	7,6	4,2	10,7	22,1
35—39 лет	10,5	12,4	10,2	5,3	14,8	26,3
40—44 года	13,2	15,4	12,8	6,1	19,1	28,5
45—49 лет	12,1	12,8	12,0	6,1	17,2	28,6
50—54 года	9,8	9,2	9,8	6,0	12,9	27,6
55—59 лет	4,9	4,3	5,0	6,0	4,0	27,5
60—64 года	10,0	7,9	10,4	19,0	2,5	31,2
65—72 года	10,6	7,8	11,1	22,2	1,0	29,9
По уровню образования:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	
высшее	10,9	7,0	11,5	5,8	15,1	15,8
неполное высшее	1,7	1,1	1,8	1,9	1,6	13,2
среднее профессиональное	24,6	21,3	25,2	16,6	31,2	23,7
начальное профессиональное	10,8	10,7	10,9	7,8	13,3	26,1
среднее	26,7	32,8	25,7	25,8	27,5	26,5

	Структура занятости в ЛПХ	В том числе по отдельным сегментам:				Коэффициент участия
		рыночная занятость	нерыночная занятость	первичная занятость	вторичная занятость	
общее	18,1	20,7	17,7	27,7	10,1	30,2
нет общего	7,1	6,4	7,2	14,3	1,1	38,9
По статусу на рынке труда	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	
занятые	61,9	100,0	55,4	15,9	100,0	25,4
безработные	5,7	0,0	6,6	12,5	0,0	26,9
неактивные	32,5	0,0	38,0	71,6	0,0	22,8
По оценкам своего социального положения:	100	100	100	100	100	
занятые	53,1	49,9	53,6	1,7	95,7	23,1
безработные	10,1	14,9	9,3	20,8	1,2	31,5
студенты/учащиеся дневной формы обучения	6,2	5,4	6,3	13,3	0,3	13,9
пенсионеры по возрасту	22,1	17,4	22,9	46,7	1,7	32,0
пенсионеры по инвалидности	2,6	2,7	2,6	5,6	0,1	22,1
имеющие доход от собственности	0,2	0,7	0,1	0,2	0,2	34,5
ведущие домашнее хозяйство	4,7	7,4	4,3	9,9	0,4	31,9
другие	1,0	1,5	0,9	1,8	0,3	25,2

представлены группы 35—49 лет и 60—72 года, а относительно слабее — группы 15—34 года и 50—59 лет (см. табл. 2). Однако если проанализировать распределение во возрасту отдельно для “первичных” и “вторичных” работников, то обнаруживаются дополнительные интересные детали. Распределение по возрасту “вторичных” работников имеет выраженную колоколообразную форму с пиком

в центральных возрастных группах 35—44 года (рис. 4). Напротив, распределение по возрасту “первичных” работников имеет форму почти прямой линии с двумя резкими “выбросами” по краям — в самой младшей группе 15—19 лет и в самой старшей группе 60—72 года. Естественно, что у молодежи, еще продолжающей учебу, и у престарелых, уже вышедших на пенсию, производственная деятельность в ЛПХ чаще выступает в форме основной (единственной) занятости, тогда как у лиц активного возраста — в форме дополнительной занятости, которую они совмещают с работой в “официальной” экономике.

Что касается коэффициентов участия, то с возрастом они практически монотонно повышаются (исключение — неглубокий “провал” в предпенсионной группе 50—59 лет). В результате у самых молодых КУ оказываются почти в два раза меньше, чем у самых пожилых: 15—16% против 30—31%.

Как и следовало ожидать, участие в подсобном сельском хозяйстве заметно смещено в сторону групп с более низким образованием. Впрочем, из данных, характеризующих структуру общей занятости в ЛПХ, эта особенность проступает не слишком отчетливо. Так, в 2002 г. среди всех производивших сельскохозяйственную продукцию “на дому” 12,6% составляли лица с образованием выше среднего (высшим и незаконченным высшим), 51,4% — средним (общим и профессиональным) и 36,0% — ниже среднего.

Однако при обращении к оценкам КУ сильная смещенность в направлении малообразованных групп выявляется со всей очевидностью. Прослеживается четкая закономерность: чем выше уровень образовательной подготовки,

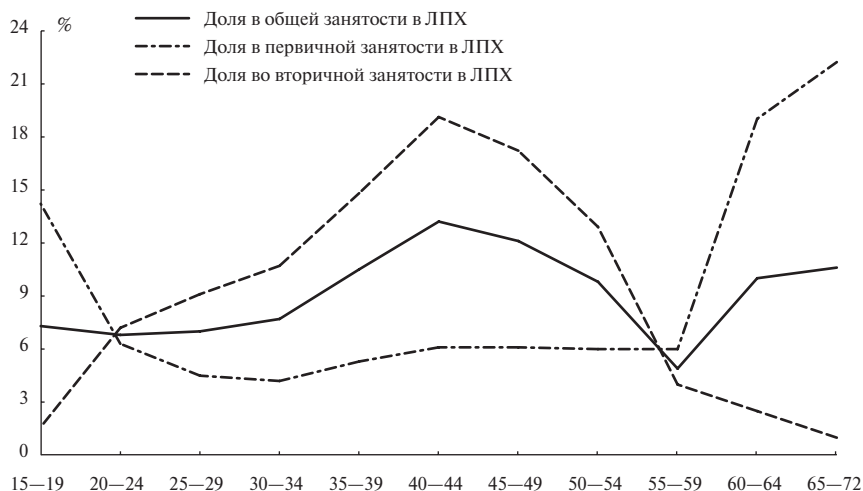

Рис. 4. Структура занятости в ЛПХ по возрастным группам, 2002 г., %

тем слабее степень вовлеченности в подсобное сельское хозяйство. Так, среди лиц, не имевших даже общего образования, в ЛПХ трудились почти 40%, тогда как среди лиц, закончивших вузы, около 16% (см. табл. 2). Отчасти этот разрыв связан с тем, что в группах с низким образованием находится много лиц пенсионного возраста, демонстрирующих, как мы убедились, повышенную склонность к работе в ЛПХ. И все же трудно удержаться от вывода, что чем образованнее человек, тем слабее при прочих равных условиях его установка на активное участие в садово-огородной деятельности.

Влияет ли на вероятность участия в подсобном сельском хозяйстве такая важнейшая социально-экономическая характеристика, как статус на рынке труда? Из данных, представленных в табл. 2, следует, что в 2002 г. занятость в ЛПХ почти на две трети формировалась из тех, кто по своему положению на рынке труда квалифицировались как занятые, и почти на треть из тех, кто квалифицировались как экономически неактивные. Доля третьей категории — безработных — была невелика: около 6%. Сходную структуру имела занятость в рыночном сегменте ЛПХ. В то же время состав первично занятых был принципиально иным: здесь главной “ударной силой” выступали экономически неактивные (71,6%), тогда как представительство занятых и безработных было намного скромнее (соответственно 15,9 и 12,5%). Что же касается двух других сегментов ЛПХ — рыночной занятости и вторичной занятости, то они по определению состояли только из лиц, имевших статус “занятых”.

Интересно, что степень вовлеченности в садово-огородную деятельность практически не связана со статусом на рынке труда: она примерно одинакова и у занятых, и у безработных, и у неактивных — 23—27%. И все же нельзя не обратить внимания на несколько большую склонность безработных к участию в подсобном сельском хозяйстве. По-видимому, многие из них пытаются компенсировать снижение уровня материального благосостояния, вызванное отсутствием “официальной” работы, активизацией деятельности на приусадебных и дачных участках¹³.

Тот же вопрос можно перевести в несколько иную плоскость: к каким социально-экономическим категориям относят себя сами занятые в подсобном сельском хозяйстве? Как они определяют свою социально-экономическую принадлежность? Из табл. 2 следует, что более половины из них считают себя “занятыми” (что едва ли удивительно, учитывая высокий удельный вес вторично занятых) и около четверти — “пенсионерами”. Характерно, что доля безработных, определяемая на основе субъективных самооценок, оказывается почти в 2 раза выше

¹³ Если бы мы переклассифицировали безработных, что-то выращивающих на своих приусадебных и дачных участках, в занятых, то это привело бы к снижению уровня безработицы в России более чем на четверть и он опустился бы до отметки 6%. В этом случае Россия оказалась бы абсолютным чемпионом среди всех стран с переходной экономикой, имеющих самые низкие показатели безработицы.

их доли, определяемой на основе объективных тестов, — 10,1%. Если говорить о коэффициентах участия, то самые высокие показатели, “зашкаливающие” за 30%, демонстрируют пенсионеры, лица, ведущие домашнее хозяйство, а также “субъективно” безработные. Наименьшая склонность трудиться на приусадебных и дачных участках характерна для учащихся и студентов.

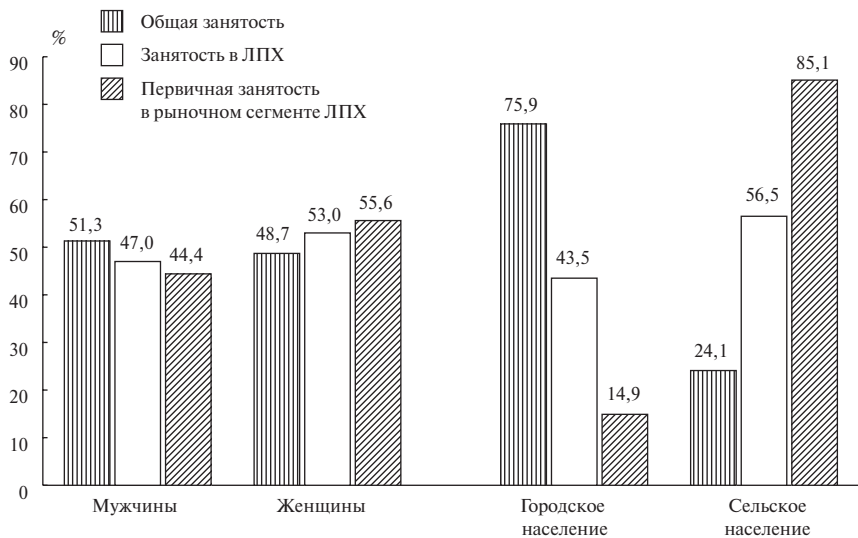
Особо следует остановиться на том, как воспринимают работу в подсобном сельском хозяйстве те, для кого она является единственным доходным занятием (т.е. первично занятые в рыночном сегменте ЛПХ). Поразительно, но в качестве полноценной занятости ее рассматривают очень немногие — всего 6,6%. В то же время 27,4% считают себя безработными, хотя исходя из общепринятых методологических критериев их деятельность по производству сельскохозяйственной продукции на рынок должна квалифицироваться (и квалифицируется) как занятость. В качестве учащихся себя идентифицируют 10,3%, в качестве пенсионеров (по возрасту или инвалидности) — 38,4%, в качестве лиц, ведущих домашнее хозяйство, — 13,8%. Как видим, подавляющее большинство работающих в ЛПХ не склонны относить себя к занятым даже в тех случаях, когда производимая ими продукция поступает на рынок. По-видимому, их экономическая активность представляет собой настолько “нестандартную” форму занятости, что нередко она действительно вплотную приближается к состоянию безработицы или неактивности.

Структурные особенности занятости в ЛПХ наглядно проявляются при ее сопоставлении с общей занятостью. На рис. 4—7 отчетливо видно, что по сравнению со структурой общей занятости структура занятости в ЛПХ смещена в пользу женщин; лиц, проживающих в сельской местности; молодежи и престарелых; групп с низким уровнем образования. У первично занятых в рыночном сегменте ЛПХ, как нетрудно заметить, эта смещенность выражена еще сильнее.

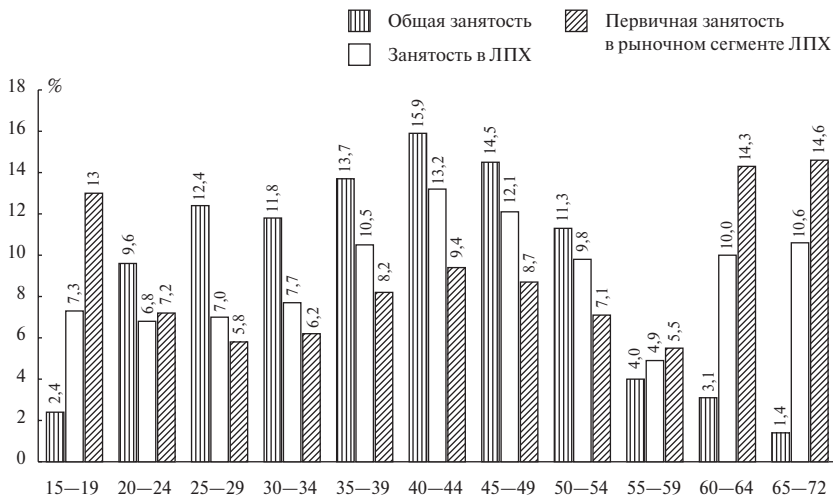
Некоторые характерные черты занятости в хозяйствах населения уже обсуждались в ряде предшествующих исследований¹⁴. В частности, отмечалось, что среди занятых в ЛПХ удельный вес самых младших и самых старших возрастных групп непропорционально высок по сравнению с их удельным весом среди всех занятых в экономике. Отсюда, однако, было бы неверно делать вывод о какой-то сверхсильной предрасположенности молодежи и престарелых к садово-огородной активности. Дело не в том, что по сравнению с другими группами они имеют более высокие уровни занятости в подсобном сельском хозяйстве, а в том, что по очевидным причинам они имеют более низкие уровни занятости в “официальной” экономике (одни еще продолжают учиться, другие уже вышли на пенсию). В этом нетрудно убедить-

---

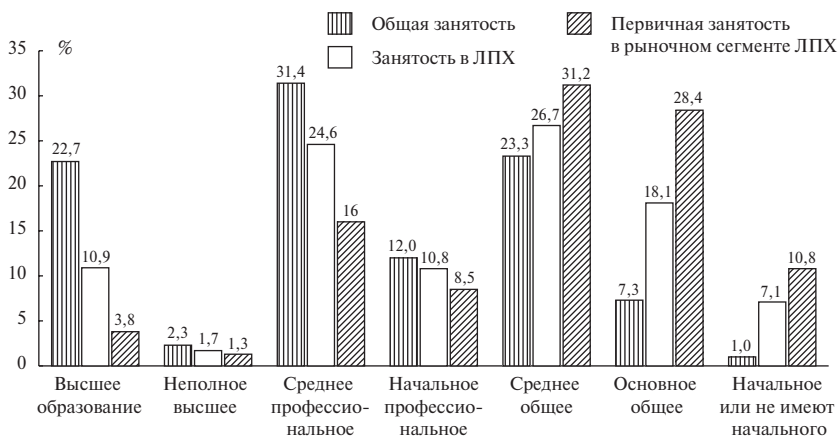
¹⁴ Гимпельсон В. Занятость в неформальном секторе в России: угроза или благо? Препринт WP4/2002/03. М.: ГУ ВШЭ, 2002; Полетаев А.В. Указ. соч.

Рис. 5. Структура общей занятости и занятости в ЛПХ по полу и месту проживания, 2002 г., %

Рис. 6. Структура общей занятости и занятости в ЛПХ по пятилетним возрастным группам, 2002 г., %

Рис. 7. Структура общей занятости и занятости в ЛПХ по группам с различным уровнем образования, 2002 г., %

ся, сравнив соответствующие коэффициенты участия: у престарелых они практически такие же, как у лиц зрелого возраста, а у молодых вдвое ниже, чем у всех остальных групп. Следует поэтому особо подчеркнуть, что ядром рабочей силы в секторе ЛПХ выступают те же возрастные группы, которые составляют ядро рабочей силы в “формальном” секторе экономики.

4. Социально-экономические характеристики вторично занятых в ЛПХ

Значительное число имеющих “официальную” работу параллельно участвуют в производстве сельскохозяйственной продукции на рынок или для собственного конечного потребления в ЛПХ. Естественно, это может накладывать серьезный отпечаток на эффективность использования их человеческого капитала (в частности — на продолжительность труда по основному месту работы и его производительность). У каких же групп склонность к такому “совместительству” выше? Какие статусные, профессиональные, отраслевые и иные группы вносят наибольший, а какие наименьший вклад в численность вторично занятых в подсобном сельском хозяйстве?

Важно отметить, что в условиях российской экономики работа в ЛПХ является преобладающей формой вторичной занятости. Так, по оценкам Госкомстата России, в 2002 г. дополнительная работа была у 2,7 млн. человек. В то же время дополнительную занятость в подсобном сельском хозяй-

стве имели 14,9 млн. человек (в том числе почти 2 млн. в рыночном и почти 13 млн. в нерыночном сегментах ЛПХ).

Ключевые социально-экономические характеристики вторично занятых в хозяйствах населения отражены в табл. 3. Большую их часть (свыше 90%) составляют те, кто в “официальной” экономике трудятся в качестве наемных работников. “Вклад” работавших не по найму — самозанятых, членов производственных кооперативов, неоплачиваемых семейных работников — незначителен. Однако объясняется эта асимметрия тем, что по абсолютной численности группы работающих не по найму очень невелики.

Таблица 3. Социально-экономические характеристики вторичной занятости в ЛПХ, 2002 г., %

	Структура вторичной занятости в ЛПХ	В том числе:		Коэффициенты участия		
		рыночный сегмент	нерыночный сегмент	все вторично занятые	рыночный сегмент	нерыночный сегмент
По статусу на рынке труда:	100,0	100,0	100,0			
по найму	93,2	85,7	94,4	22,7	2,8	19,9
работодатели	1,0	1,1	1,0	16,5	2,4	14,1
самостоятельно занятые	3,9	8,1	3,3	14,8	4,1	10,7
члены производственных кооперативов	1,8	4,9	1,3	75,5	27,0	48,5
неоплачиваемые семейные работники	0,1	0,2	0,1	30,8	8,5	22,3
По условиям занятости:	100,0	100,0	100,0			
полная	97,2	96,1	97,4	22,5	2,7	19,8
неполная	2,8	3,9	2,6	34,2	5,9	28,3
По размерам предприятия:	100,0	100,0	100,0			
от 1 до 5 человек	11,6	17,4	10,7	20,9	4,1	16,7
от 6 до 50 человек	28,1	30,4	27,8	23,6	3,4	20,2
от 50 до 100 человек	16,6	15,2	16,8	22,2	2,7	19,5
свыше 100 человек	43,7	37,0	44,7	22,3	2,5	19,8

Продолжение табл. 3

	<i>Структура вторичной занятости в ЛПХ</i>	<i>В том числе:</i>		<i>Коэффициенты участия</i>		
		<i>рыночный сегмент</i>	<i>неры- ночный сегмент</i>	<i>все вторич- но занятые</i>	<i>рыночный сегмент</i>	<i>неры- ночный сегмент</i>
По обычной про- должительности рабочего времени:	100	100	100			
1—15 часов	0,3	1,4	0,3	25,3	11,0	14,3
16—30 часов	3,9	6,5	3,9	28,1	5,6	22,4
более 30 часов	95,8	92,2	95,8	22,2	2,8	19,4
По фактической продолжительности рабочего времени:	100	100	100			
0—15 часов	5,1	4,8	5,1	23,3	2,9	20,4
16—30 часов	4,9	8,8	4,9	24,0	5,1	18,9
больше 30 часов	90,0	86,4	90,0	22,3	2,8	19,5
По профессиям:						
руководители	3,8	3,0	4,0	19,8	2,1	17,8
специалисты высшего уровня квалификации	11,0	8,4	11,4	15,7	1,6	14,1
специалисты среднего уровня квалификации	15,3	13,0	15,6	21,9	2,5	19,4
служащие, заня- тые подготовкой информации	3,3	3,0	3,3	22,0	2,7	19,3
работники сферы обслуживания	10,6	9,2	10,8	18,5	2,1	16,3
квалифицирован- ные рабочие сель- ского хозяйства	7,2	14,5	6,0	30,6	8,2	22,4
квалифицирован- ные рабочие про- мышленности	15,5	9,9	16,4	20,6	1,7	18,9
операторы, аппа- ратчики и т.д.	17,9	20,0	17,5	28,7	4,2	24,5
неквалифициро- ванные рабочие	15,5	18,8	15,0	28,8	4,6	24,2

	Структура вторичной занятости в ЛПХ	В том числе:		Коэффициенты участия		
		рыночный сегмент	неры- ночный сегмент	все вторич- но занятые	рыночный сегмент	неры- ночный сегмент
По отраслям:	100	100	100			
промышленность	21,8	11,3	23,5	19,4	1,3	18,1
сельское хозяйство	23,7	47,0	20,2	48,4	12,7	35,8
транспорт	6,1	3,4	6,5	18,6	1,3	17,2
связь	1,9	1,8	2,0	29,0	3,5	25,5
строительство	4,6	2,3	4,9	16,3	1,1	15,2
торговля	10,0	8,5	10,2	15,4	1,7	13,7
жилищно-комму- нальное хозяйство	4,6	2,9	4,9	21,0	1,7	19,2
здравоохранение	6,5	4,8	6,7	20,9	2,0	18,9
образование	10,9	10,8	10,9	27,5	3,6	23,9
культура	1,7	2,0	1,7	25,0	3,9	21,2
наука	0,6	0,2	0,7	10,0	0,3	9,7
финансы	0,8	0,5	0,9	14,7	1,2	13,5
управление	5,3	4,2	5,5	17,5	1,8	15,7
прочие отрасли	1,3	0,6	1,4	13,4	0,8	12,6

Оценки КУ дают существенно иную картину. Степень вовлеченности в ЛПХ оказывается максимальной у членов кооперативов (75,5%) и неоплачиваемых семейных работников (30,8%). За ними идут наемные работники (22,7%), а замыкают список работодатели (16,5%) и самозанятые (14,8%), характер деятельности которых оставляет им мало возможностей для того, чтобы отдавать время и силы подсобному садоводству и огородничеству.

Те, кто по основному месту работы трудятся неполное рабочее время, демонстрируют существенно более высокие коэффициенты участия, чем те, кто трудятся полное время: 34,2% против 22,5%. Однако определить, какова в данном случае направленность причинно-следственных связей, не представляется возможным. Вполне вероятно, что неполная занятость по основному месту работы активизирует участие в ЛПХ, но нельзя исключить и обратной зависимости, когда лица, ориентированные на производство сельскохозяйственной продукции в “домашних” условиях, предпочитают устраиваться на рабочие места с сокращенным рабочим днем или сокращенной рабочей неделей.

Впрочем, отмеченные различия прослеживаются по показателям только обычного, но не фактического рабочего времени. Действительно, как показывают соответствующие оценки в табл. 7, группы, различающиеся по количеству фактически отработанных часов на основном месте работы, имеют практически идентичные КУ. Этот результат можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что решения домохозяйств об участии в ЛПХ являются долгосрочными (стратегическими) и поэтому мало зависят от текущих краткосрочных колебаний в продолжительности фактического времени, отработанного их членами в течение той или иной недели по основному месту работы.

Данные о распределении вторично занятых в ЛПХ по размерам предприятий, где находится их основная работа, свидетельствуют, что преобладающая их часть — 43,7% — сосредоточена на средних и крупных предприятиях с численностью персонала свыше 100 человек. На небольших предприятиях с численностью 51—100 человек занято 16,8%, на малых — с численностью 6—50 человек — 19,6% и, наконец, на микропредприятиях с численностью 1—5 человек — 11,6%. Однако коэффициенты участия оказываются примерно одинаковыми независимо от размеров предприятия, где протекает основная работа (см. табл. 3)¹⁵.

В табл. 3 представлены также данные, характеризующие структуру вторичной занятости в ЛПХ в зависимости от профессиональной принадлежности по основному месту работы. Исходя из них можно сделать вывод, что главной “кузницей кадров” для подсобного сельского хозяйства безусловно являются рабочие — высококвалифицированные, полуквалифицированные и неквалифицированные. На долю каждой из этих групп приходится по 16—18% всех, кто совмещают работу в ЛПХ с работой в “официальной” экономике. Парадоксально, но не намного меньший “вклад” вносят специалисты высшей и средней квалификации — 11—15%. В целом “белые воротнички” дают примерно треть всех вторично занятых в ЛПХ, тогда как “синие воротнички” — две трети.

Однако если обратиться к оценкам КУ, то становится очевидным абсолютное “лидерство” сельскохозяйственных рабочих. Высокая степень вовлеченности в ЛПХ характерна также для полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих промышленности, средняя — для специалистов средней квалификации, конторских служащих и квалифицированных рабочих промышленности, низкая — для руководителей, специалистов высшей квалификации и работников сферы обслуживания. В целом складывается впечатление, что коэффициенты участия имеют тенденцию к снижению по

---

¹⁵ Исключение — вторичная занятость в рыночном секторе, где прослеживается четкая закономерность: чем меньше предприятие, на котором трудится человек, тем выше вероятность его участия в подсобном сельском хозяйстве.

мере повышения уровня квалификации. (Показательно в этом смысле, что у специалистов высшей квалификации они вдвое ниже, чем у лиц рабочих профессий.) Вместе с тем 30%-е показатели вторичной “аграрной” занятости российских индустриальных рабочих дают основания полагать, что многие из них так и не разорвали связей с селом и продолжают держаться за архаичное по сути совмещение промышленного труда с сельскохозяйственным.

К достаточно любопытным результатам приводит анализ отраслевых данных. Как и следовало ожидать, наибольший вклад в формирование вторичной занятости в ЛПХ вносят промышленность (поскольку по численности занятых это самая крупная отрасль) и сельское хозяйство (так как здесь возможности для “совместительства” шире). На долю этих отраслей приходится соответственно 21,8 и 23,7% всех работников ЛПХ, имеющих другое доходное занятие. Помимо них достаточно серьезное представительство имеют такие отрасли, как образование (10,9%), торговля (10,0%) и здравоохранение (6,5%).

Что касается коэффициентов участия, то самые высокие показатели вполне предсказуемо демонстрируют работники сельского хозяйства, среди которых деятельностью в ЛПХ охвачен каждый второй. Вместе с тем у работников промышленности степень вовлеченности в подсобное сельское хозяйство оказывается не выше, чем у работников большинства других неаграрных отраслей — менее 20%. На этом фоне выделяются достаточно высокие КУ, характерные для образования, культуры и здравоохранения — 21—28%. Объясняется эта “аномалия”, по-видимому, продолжительными отпусками, которые, согласно действующему законодательству, имеют многие работники, занятые в этих отраслях, и которые они имеют возможность использовать именно в летний период.

Общий вывод, который можно сделать, состоит в том, что масштабная вторичная занятость в ЛПХ свидетельствует о нерациональном использовании квалификационного потенциала, которым располагает российская экономика. Миллионы работников, принадлежащих к наиболее квалифицированным профессиональным группам, имеющих высшее или среднее специальное образование, оказываются заняты примитивным ручным трудом в пределах своих приусадебных и дачных участков. Столь явное расточительство по отношению к накопленному человеческому капиталу не может не сказываться на общей эффективности функционирования экономики.

5. Затраты рабочего времени в ЛПХ

Подсобное сельское хозяйство представляет собой чрезвычайно трудоемкий, говоря более конкретно — “времеямкий” вид производства. Использование сельскохозяйственных машин, удобрений и т.д. здесь ограничено,

так что в качестве ведущего производственного фактора выступает труд. Более точное представление о масштабах затрат труда в ЛПХ можно получить, если перейти от показателей занятости к показателям отработанного времени.

Согласно этим данным, в 2002 г. общее количество фактически отработанных в экономике России человеко-часов (в среднем за неделю) приближалось к 3 млрд. Эта оценка учитывает затраты рабочего времени как на основных, так и на дополнительных рабочих местах, а также в личных подсобных хозяйствах населения. По ЛПХ аналогичный показатель составлял примерно 462 млн. человеко-часов. Другими словами, приблизительно седьмая часть (15,4%) суммарного фонда отработанного времени приходилась на подсобное сельское хозяйство. С учетом же временных затрат в “формальном” секторе сельского хозяйства получается, что российская экономика до сих пор остается в значительной мере аграрно-ориентированной: почти *четверть* суммарного фонда отработанного времени (22,7%) поглощается сельскохозяйственным производством.

Затраты рабочего времени в сельском хозяйстве неравномерно распределяются между “формальным” сектором и сектором ЛПХ: на долю первого приходится 31%, тогда как на долю второго — 69% от общего количества отработанных человеко-часов. Более чем двукратный перевес домашних хозяйств служит дополнительным напоминанием о весьма необычном институциональном устройстве российского аграрного производства.

Данные о затратах рабочего времени по основным сегментам ЛПХ отражены в табл. 4. Они показывают, что в 2002 г. менее 20% от общего количества отработанных человеко-часов было израсходовано на производство рыночной и более 80% — на производство нерыночной продукции. Фонд рабочего времени примерно поровну делился между первичными и вторичными работниками: соответственно 51,7 и 48,3%. Практически все затраты рабочего времени — около 96% — были связаны с выпуском сельскохозяйственной продукции, тогда как с домашними заготовками — только 4%.

В 2002 г. средняя продолжительность рабочей недели в хозяйствах населения составляла 17,1 часа (в том числе при производстве сельскохозяйственной продукции — 16,6 часа, при осуществлении домашних заготовок — 11,7 часа). Таким образом, в среднем рабочая неделя в ЛПХ длилась чуть более двух полных рабочих дней и была вдвое короче, чем во всей экономике в целом, где она равнялась 38,1 часа (в “формальном” секторе сельского хозяйства — 34,7 часа). Из всех занятых в подсобном сельском хозяйстве 54% посвящали ему 15 и менее часов в неделю, 38% — от 15 до 30 часов и лишь 8% — более 30 часов. Это составляет разительный контраст по сравнению с распределением всех занятых в экономике в зависимости от продолжительности фактического рабочего времени: соответственно 5, 5 и 90% (цифры округлены).

Таблица 4. Показатели затрат рабочего времени в ЛПХ, 2002 г.

	Весь сектор ЛПХ	В том числе:							
		рыночный сегмент			нерыночный сегмент			все первично занятые	все вторично занятые
		всего	первично занятые	вторично занятые	всего	первично занятые	вторично занятые		
Общий объем отработанного времени, млн. человеко-часов	461,9	81,5	45,8	35,7	380,4	193,1	187,3	238,9	223,0
Доля в общем объеме отработанного времени, %	100	17,6	9,9	7,7	82,4	41,8	40,6	51,7	48,3
Доля в затратах рабочего времени по отдельным сегментам ЛПХ, %:	100	100	100	100	100	100	100	100	100
занятые сельскохозяйственным производством	95,5	94,8	93,6	92,1	95,7	96,4	94,9	97,4	94,8
занятые домашними заготовками	4,5	5,2	6,4	7,9	4,3	3,6	5,1	2,6	5,2
Средняя продолжительность рабочего времени, часов в неделю:									
все занятые в ЛПХ	17,1	20,6	23,5	17,9	16,5	19,0	14,6	19,7	15,0
занятые сельскохозяйственным производством	16,6	20,0	22,6	17,4	16,0	18,3	14,1	19,0	14,5
занятые домашними заготовками	11,7	14,3	17,5	11,7	11,2	12,8	10,3	13,7	10,5
Распределение занятых в ЛПХ по продолжительности рабочего времени, %	100	100	100	100	100	100	100	100	100
менее 15 часов	53,4	39,3	32,6	45,9	55,8	48,2	62,0	45,7	59,8
15—30 часов	38,3	47,6	47,5	47,7	36,7	39,7	34,3	40,9	36,1
31 и более часов	8,3	13,1	19,9	6,5	7,5	12,2	3,7	13,4	4,1

В рыночном сегменте ЛПХ рабочая неделя была несколько более продолжительной, чем в нерыночном, хотя и не намного: соответственно 20,6

и 16,5 часа. Правда, у первичных работников, занятых производством сельскохозяйственной продукции на продажу, продолжительность рабочей недели вплотную приближалась к трем полным рабочим дням — 23,5 часа. По сравнению со вторичными работниками они трудились на приусадебных и дачных участках почти на 5 часов дольше (см. табл. 4).

Максимальную долю “долго работающих” (свыше 30 часов в неделю) имеют первично занятые в рыночном сегменте — 20%, несколько уступают им первично занятые во вторичном сегменте — 12%, еще меньше “долго работающих” насчитывается среди вторично занятых в рыночном сегменте — около 7% и совсем мало оказывается их среди вторично занятых в нерыночном сегменте — менее 4%.

Насколько сильны вариации в продолжительности рабочего времени, посвящаемого деятельности в ЛПХ, между различными социально-демографическими группами? Как следует из данных, представленных в табл. 5, женщины склонны работать на приусадебных и дачных участках почти на час дольше, чем мужчины. Продолжительность труда городских жителей в среднем на три часа меньше, чем сельских.

Таблица 5. Средняя продолжительность рабочего времени в ЛПХ по социально-демографическим группам, 2002 г., часов в неделю

	Структура занятости в ЛПХ	В том числе по отдельным сегментам:			
		рыночная занятость	нерыночная занятость	первичная занятость	вторичная занятость
По полу:					
мужчины	16,7	20,3	16,1	19,5	14,9
женщины	17,5	21,0	16,9	19,8	15,2
По типу поселения:					
город	15,4	20,4	15,2	18,6	13,3
село	18,4	20,7	17,7	20,4	16,5
По возрасту:					
15—19 лет	12,3	14,6	11,9	12,2	12,6
20—24 года	14,2	18,3	13,5	16,1	12,9
25—29 лет	15,1	19,8	14,3	19,0	13,6
30—34 года	16,1	20,8	15,3	21,7	14,3
35—39 лет	17,0	20,5	16,3	22,4	15,4
40—44 года	17,0	20,6	16,2	22,4	15,5
45—49 лет	17,1	21,4	16,4	22,4	15,6

	Структура занятости в ЛПХ	В том числе по отдельным сегментам:			
		рыночная занятость	нерыночная занятость	первичная занятость	вторичная занятость
50—54 года	17,1	20,9	16,5	21,5	15,4
55—59 лет	18,9	22,8	18,3	21,5	15,6
60—64 года	20,5	24,1	20,0	21,2	16,3
65—72 года	20,7	23,4	20,4	20,9	17,2
По уровню образования:					
высшее	15,6	19,6	15,2	20,8	14,0
неполное высшее	14,9	18,8	14,5	16,7	13,2
среднее профессиональное	16,5	19,8	16,1	20,8	14,7
начальное профессиональное	16,6	19,7	16,1	20,6	14,8
среднее	17,3	20,8	16,6	19,7	15,6
общее	17,5	20,1	17,0	18,3	15,9
нет общего	20,3	22,4	20,0	20,7	16,8
По оценке своего социального положения:					
занятые	15,0	17,9	14,5	21,6	14,9
безработные	20,8	25,1	19,6	20,9	19,9
студенты/учащиеся дневной формы обучения	11,4	13,4	11,1	11,3	13,0
пенсионеры по возрасту	21,0	24,1	20,6	21,2	17,0
пенсионеры по инвалидности	18,0	21,2	17,4	18,0	15,7
имеющие доход от собственности	22,2	23,1	21,4	30,4	14,7
ведущие домашнее хозяйство	22,2	26,7	20,8	22,2	20,9
другие	18,5	20,5	17,9	19,2	15,7

Среди возрастных групп самую короткую рабочую неделю в ЛПХ имеет молодежь (12—14 часов), а самую продолжительную престарелые (20—21 час). Центральные возрастные группы уделяют работе в подсобном сельском хозяйстве примерно два полных рабочих дня в неделю.

С повышением уровня образования затраты рабочего времени в ЛПХ почти монотонно снижаются. Например, у лиц, не имеющих даже общего образования, они составляют 20,3 часа в неделю, тогда как у лиц, имеющих высшее образование, 15,6 часа. Как видим, обратная зависимость между уровнем образования и степенью вовлеченности в подсобное сельское хозяйство прослеживается по показателям не только занятости, но и рабочего времени.

Продолжительность рабочего времени в подсобном сельском хозяйстве заметно колеблется в зависимости от того, к какой социально-экономической категории относят себя индивиды. Так, у учащихся и у “субъективно” занятых она не достигает даже двух полных рабочих дней. В отличие от них лица, ведущие домашнее хозяйство, пенсионеры и, что примечательно, “субъективно” безработные посвящают такого рода деятельности почти три полных рабочих дня в неделю. (В рыночном секторе ЛПХ различия между этими группами проступают еще более резко.) Очевидно, что отмеченные вариации напрямую связаны с количеством свободного времени, которым располагает та или иная категория населения: чем меньше человек скован работой или учебой, тем больше времени он уделяет “домашнему” сельскохозяйственному производству.

В целом складывается впечатление, что в подавляющем большинстве случаев труд в ЛПХ имеет характер неполной занятости. Он очень редко длится 4—5 полных рабочих дней в неделю, тогда как самой распространенной является работа, не превышающая по продолжительности одного-двух рабочих дней. Причем это характерно не только для нерыночной, но и для рыночной, не только для вторичной, но и для первичной занятости.

6. Сколько в России “землевладельцев”?

Как уже упоминалось, данные ОНПЗ не позволяют судить о динамике занятости и затрат рабочего времени в ЛПХ и, в частности, о том, насколько сильно они изменились по сравнению с дореформенным периодом. В этой ситуации есть смысл обратиться к альтернативным показателям, с помощью которых можно получить примерное представление о том, как на протяжении переходного периода менялся поток трудовых ресурсов, направлявшийся в данный сектор экономики. Наиболее информативными из них являются данные о земельных участках, находящихся в пользовании населения.

Россия, по-видимому, является одной из самых “землевладельческих” — точнее, “землепользовательских” — стран мира (во всяком случае среди стран, прошедших индустриализацию). Согласно результатам микропереписи населения 1994 г., почти 60% российских домохозяйств владеют землей в той или иной форме (табл. 6). Причем было бы ошибкой считать такое положе-

ние дел просто пережитком аграрного прошлого страны. На самом деле речь идет о вторичной рурализации населения, старт которой был дан в 1960-е гг., когда началась массовая раздача дачных участков¹⁶.

Таблица 6. Наличие у домашних хозяйств земельных участков, %
(по данным микропереписи населения 1994 г.)

	Все домо- хозяйства	Домохозяйства, состоящие из:				
		1 чел.	2 чел.	3 чел.	4 чел.	5 и более чел.
Все домохозяйства	100	100	100	100	100	100
имеющие земельный участок	58,3	48,4	57,9	55,6	63,8	71,7
В том числе: приусадебный участок	22,0	28,1	24,0	16,7	17,8	25,3
садовый или дачный участок	16,9	5,2	14,5	20,6	24,2	21,6
огород	9,5	8,1	9,5	9,4	10,4	10,6
приусадебный участок и огород	7,7	6,4	8,2	6,5	8,1	10,4
прочие сочетания земельных участков	2,2	0,6	1,7	2,4	3,3	3,8
не имеющие земельного участка	41,7	51,6	42,1	44,4	36,2	28,3
Городские поселения	100	100	100	100	100	100
имеющие земельный участок	46,1	30,0	44,5	46,3	54,5	60,3
В том числе: приусадебный участок	12,4	15,7	14,0	9,6	10,1	14,0
садовый или дачный участок	22,3	7,0	19,3	25,5	31,0	31,6
огород	7,6	5,8	7,7	7,6	8,5	9,0
приусадебный участок и огород	1,6	1,1	1,8	1,4	1,8	2,3
прочие сочетания земельных участков	2,1	0,4	1,6	2,1	3,1	4,0
не имеющие земельного участка	53,9	70,0	55,5	53,7	45,5	39,7
Сельская местность	100	100	100	100	100	100
имеющие земельный участок	91,8	89,7	93,5	89,7	91,9	94,2
В том числе: приусадебный участок	48,0	56,1	50,2	42,4	41,0	47,9
садовый или дачный участок	2,1	0,9	1,7	3,0	3,5	1,9
огород	14,6	13,2	14,2	16,2	16,2	13,7
приусадебный участок и огород	24,3	18,1	24,8	24,5	26,8	26,3
прочие сочетания земельных участков	2,7	1,2	2,3	3,2	4,1	3,3
не имеющие земельного участка	8,2	10,3	6,5	10,3	8,1	5,8

¹⁶ Как отмечает А. Поletaев, хотя нерыночный аграрный труд имеет давнюю традицию в истории России, массового вовлечения городского населения в сельскохозяйственную деятельность не существовало ни в царское время, ни в первые десятилетия советской власти. Начало этого процесса датируется 1960-ми гг. (Поletaев А. В. Указ. соч. С. 45).

В городских поселениях земля имеется примерно у половины домохозяйств (46,1%), тогда как в сельской местности практически у всех (91,8%). Вероятность наличия земельного участка монотонно возрастает по мере увеличения числа членов домохозяйства: так, среди домохозяйств, состоящих из одного человека, обладают землей только 48%, тогда как среди домохозяйств, состоящих из пяти и более человек, — 71%. Однако эта зависимость характерна только для городского населения, на селе она реально не прослеживается (см. табл. 6).

На достаточно близкие оценки выводят учетные данные Росземкадастра — официального российского органа, занимающегося регистрацией и учетом земли (табл. 7). Из них следует, что в 2002 г. 15,9 млн. российских семей имели приусадебные участки, 14,6 млн. — дачные участки (коллективные и индивидуальные сады), 4,4 млн. — коллективные и индивидуальные огороды. В сумме это около 35 млн. семей. Однако итоговая численность, полученная таким путем, не свободна от двойного счета, поскольку некоторые семьи могут обладать несколькими участками разного типа одновременно (скажем, и приусадебным, и садовым). Впрочем, величина связанного с этим повторного счета едва ли превышает 10—15% (такой вывод можно сделать из дезагрегированных данных, содержащихся в табл. 6). С учетом этого примерную численность семей с земельными участками можно оценить в 30—32 млн. Это означает, что “землепользователями” являются приблизительно каждые два российских домохозяйства из трех (согласно последней переписи населения, всего в России насчитывается около 53 млн. домохозяйств). Повторим, что для такой индустриализованной и урбанизированной страны, как Россия, столь высокий уровень пользования землей выглядит достаточно неожиданно.

Приведенные данные выводят на еще более высокие оценки масштабов концентрации трудовых ресурсов в секторе ЛПХ, чем те, что были представлены в предыдущих разделах. Предположив, что в составе среднего “землевладельческого” домохозяйства имеются 2,5 взрослых члена в возрасте 15—72 лет, можно прийти к заключению, что доступом к земле обладают 70—75 млн. человек (т.е. две трети взрослого населения страны). Это существенно выше показателей ОНПЗ.

Отмеченные расхождения могут объясняться несколькими факторами. Во-первых, многие семьи могут использовать имеющиеся у них земельные участки исключительно в целях рекреации. Во-вторых, реально в ЛПХ могут трудиться не все взрослые члены домохозяйств, обладающих землей, а только некоторые из них. В-третьих, работа в ЛПХ, как правило, носит достаточно дискретный характер: на текущей неделе трудятся одни члены семьи, на следующей им на смену приходят другие и т.д. Данные ОНПЗ не отражают эту непрерывно происходящую ротацию, так как строятся как показатели “запасов”, фиксируя численность работающих в ЛПХ по состоянию *на оп-*

Таблица 7. Наличие у семей земельных участков разного типа, 1985—2002 гг.

	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Приусадебные земли:														
число семей, млн.	15,7	16,3	17,1	19,3	16,6	16,6	16,3	16,3	16,4	16,0	15,5	16,0	16,0	15,9
площадь земель, млн. га	3,2	3,3	4,6	6,8	5,8	6,1	5,8	5,8	5,9	6,4	6,1	6,2	6,5	6,9
в том числе сельхозугодья, млн. га	2,9	2,9	4,1	6,4	5,4	5,6	5,4	5,4	5,5	5,9	5,6	5,7	6,0	—
средняя площадь земель на одну семью, га	0,2	0,2	0,27	0,35	0,35	0,35	0,36	0,36	0,36	0,40	0,40	0,39	0,41	0,43
Коллективные и индивидуальные сады:														
число семей, млн.	4,7	8,5	11,6	13,5	14,3	14,7	15	15,1	15,1	14,5	14,1	14,9	14,6	14,6
площадь земель, млн. га	0,3	0,6	0,9	1,1	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3
средняя площадь земель на одну семью, га	0,06	0,07	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,09	0,09	0,09	0,09	0,09
Коллективные и индивидуальные огороды:														
число семей, млн.	4,2	5,1	7,4	7,9	8,2	7,6	7,4	7,0	6,6	5,1	5,1	5,1	4,7	4,4
площадь земель, млн. га	0,3	0,4	0,6	0,6	0,7	0,6	0,6	0,6	0,5	0,4	0,4	0,5	0,5	0,4
средняя площадь земель на одну семью, га	0,07	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,08	0,09	0,09	0,09	0,10	0,10

ределенный момент времени. Поэтому цифра 70—75 млн. может быть принята как максимальная оценка “потока” трудовых ресурсов, направляемого в ЛПХ, т.е. численности всех участвующих в подсобном сельском хозяйстве *в течение календарного года.*

Вопрос, представляющий для нас наибольший интерес, — насколько сильно изменилось число личных подсобных хозяйств в переходный период. Как можно заключить из табл. 7, число семей с приусадебными и полевыми участками если и выросло по сравнению с дореформенным временем, то весьма незначительно¹⁷. В настоящее время, как и в середине 1980-х гг., оно составляет порядка 16 млн. В отличие от этого показателя, рост числа семей с дачами (обладающими индивидуальными и коллективными садами) был взрывным и сегодня их насчитывается втрое больше, чем 15—20 лет назад: соответственно 4,9 и 14,6 млн. Число семей, имеющих индивидуальные и коллективные огороды, в первой половине 1990-х гг. также возросло, увеличившись почти вдвое. Однако затем оно стало постепенно сокращаться и к 2002 г. фактически вернулось на дореформенный уровень. По динамике этого показателя лучше чем по какому-либо другому можно судить об изменениях в представлениях россиян о вероятности крупномасштабных социальных катаклизмов. В отличие от дачных участков огороды не могут использоваться для рекреации и служат единственной цели — обеспечению семей продуктами питания. Тот факт, что в последние годы масштабы использования населением огородных участков стали практически такими же, как в “спокойном” 1985 г., когда ничто не предвещало грядущих потрясений, свидетельствует об относительной экономической и социальной стабилизации, произошедшей в России после “бурной” первой половины 1990-х гг. Для значительной части населения страхи, связанные с невозможностью обеспечить себя продуктами питания “рыночным” путем, остались, по-видимому, уже позади.

Важно отметить, что резкий “скачок” в количестве земельных “владений”, принадлежащих населению, имел достаточно узкую локализацию во времени: 1990—1992 гг. Не исключено, что активная раздача земли правительствами сначала Советского Союза, а затем России не только преследовала политические цели (обеспечить лояльность населения), но и представляла собой попытку “страхования” от предстоящих возможных шоков, последствия которых было невозможно просчитать. Предвидя свою неспособность создать условия для продуктивной занятости в формальном секторе экономики, государство факти-

---

¹⁷ В 1993 г. по результатам проведенной инвентаризации часть земель была переведена из категории “приусадебные участки и служебные наделы” в категорию “земли индивидуального жилищного строительства”, что привело к снижению официальных оценок количества семей, имеющих приусадебные участки. С учетом этого обстоятельства можно сделать вывод, что прирост числа семей с приусадебными участками был в пореформенный период все-таки не нулевым, составив не менее 3 млн.

чески пошло по пути предоставления населению натуральных ресурсов, с помощью которых оно могло бы перейти на режим самообеспечения. Помимо земли, другой важнейший ресурс, который был для этого необходим, — время.

Как показано в ряде исследований, на рубеже 1980—1990-х гг. в российской экономике произошло резкое сокращение рабочего времени¹⁸. Активное перераспределение земли и времени в пользу домохозяйств создало необходимые предпосылки для бурного развития ЛПХ.

За пореформенный период общий прирост числа личных подсобных хозяйств (всех типов) составил 20—30% (табл. 8)¹⁹. Если динамика занятости была аналогичной, то это означает, что подсобное сельское хозяйство было одним из немногих секторов российской экономики, где в 1990-е гг. наблюдался активный приток рабочей силы (наряду с торговлей, финансами и государственным управлением). Причем в абсолютном выражении этот приток, по-видимому, был наибольшим — не менее 5—6 млн. человек. Вместе с тем очевидно, что разрастание сектора ЛПХ в переходный период не было чем-то новым, а явилось прямым продолжением тенденций, берущих начало из советской эпохи.

В табл. 7 представлены также данные об общей площади имеющейся у населения земли. Из них следует, что в пореформенный период площади под приусадебными участками расширились более чем вдвое — с 3 до почти 7 млн. га. Еще более впечатляющим был рост “дачных” владений: они увеличились в 4 раза — с 0,3 млн. га в 1985 г. до 1,3 млн. га в 2002 г. Несколько менее активную динамику демонстрировали индивидуальные и коллективные огороды (рост площадей примерно в 1,5 раза). Примечательно, что во всех трех случаях основной “скачок” пришелся на начало 1990-х гг.

Поскольку количество семей с приусадебными участками в 1990-е гг. изменилось мало, рост площадей под ними происходил почти целиком за счет увеличения средних размеров участка в расчете на одну семью. Если в 1985 г. средняя величина приусадебных участков составляла всего 0,2 га, то в 2002 г. уже 0,43 га. Напротив, рост площадей под “дачными” владениями происходил в основном за счет увеличения числа семей, получавших их в пользование. В результате по сравнению с дореформенным периодом средняя величина дачных участков несколько выросла, но так и осталась микроскопической — всего 9 соток. Не намного больше этого и средняя величина “огородных” владений — 10 соток. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев земельные участки, находящиеся в личном пользовании граждан, представляют собой мелкие и мельчайшие парцеллы.

---

¹⁸ См.: Обзор занятости в России, 2002.

¹⁹ Если взять за точку отсчета середину 1980-х гг., то прирост окажется еще более впечатляющим: 40—50%.

Таблица 8. Распределение сельскохозяйственных угодий по земледельцам, 1980—2002 г. (на конец года)*

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Земли, используемые земледельцами, занимающимися сельскохозяйственным производством млн га	213,8	213	210,6	210,1	209,2	209,6	208,4	206,2	195,2	197,6	197	195,9	194,6
В том числе: сельскохозяйственных организаций	209,8	194,2	180,1	175	173,2	171,2	169,6	165,8	163,5	161,8	157,6	154,1	150,4
Крестьянских (фермерских) хозяйств	0,1	1,3	6,5	9,7	10,1	10,4	10,8	11,7	13	13,5	14,5	15,9	17,0
В личном пользовании граждан**	3,9	5,6	8,5	8,8	9,3	9,9	9,9	10,2	10,5	11,9	11	10,9	11,8
из них: приусадебных хозяйств коллективных и индивидуальных садов и огородов	2,9	4,1	6,4	5,4	5,7	5,3	5,4	5,5	5,9	5,6	5,7	6,0	6,4
0,9	1,4	1,7	1,8	1,8	1,8	1,9	1,7	1,7	1,5	1,5	1,6	1,6	1,5
Распределение сельскохозяйственных угодий по земледельцам, %	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе: сельскохозяйственных организаций	98,1	91,2	85,2	82,8	82,4	81,7	81,4	80,4	83,7	81,9	80,0	78,7	77,3
Крестьянские (фермерские) хозяйства	0,1	0,6	3,1	4,6	4,8	5,0	5,2	5,7	6,6	6,9	7,4	8,1	8,7
Граждане**	1,8	2,6	4,0	4,2	4,4	4,7	4,7	4,9	5,4	6,0	5,6	5,6	6,1
из них имеющие приусадебные хозяйства	1,3	1,9	3,0	2,6	2,7	2,6	2,6	2,7	3,0	2,8	2,9	3,1	3,3
коллективные и индивидуальные сады и огороды	0,4	0,7	0,8	0,9	0,9	0,9	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8
Прочие земледельцы	0,0	0,0	0,5	0,7	0,7	8,6	8,7	9,0	4,3	5,2	7,0	7,6	7,9

* По данным Федеральной службы земельного кадастра России.

** Без земель, выделенных во временное пользование или в аренду из муниципальных земель для сенокоса и выпаса скота. В 2001 г. на эти цели было выделено гражданам 14,9 млн. га (в 2000 г. — 13,8 млн. га).

Таблица 9. Индексы физического объема продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, % (в сопоставимых ценах, 1989 г. = 100%)

Годы	Хозяйства всех категорий	В том числе:		
		сельскохозяйствен- ные организации	хозяйства населения	крестьянские (фер- мерские) хозяйства*
1990	96,4	94,2	104,0	...
1991	92,1	85,7	113,0	...
1992	83,4	70,9	122,2	...
1993	79,7	64,4	125,5	166,7
1994	70,2	54,1	119,6	143,7
1995	64,6	45,7	123,7	140,0
1996	61,3	41,1	124,2	133,2
1997	62,2	42,1	123,4	168,3
1998	54,0	33,1	116,8	135,0
1999	56,2	34,8	120,1	157,4
2000	60,5	37,1	129,8	191,2
2001	65,1	41,2	133,6	260,2
2002	66,2	41,7	135,2	...

*1992 г. = 100%.

Поэтому не приходится удивляться, что в общем фонде сельскохозяйственных угодий “владения” домашних хозяйств составляли и составляют совершенно мизерную величину. Хотя за пореформенный период ЛПХ увеличили площадь имеющихся у них угодий почти втрое — с 3,9 до 10,9 млн. га, это очень слабо отразилось на величине относительных показателей (см. табл. 8). Так, в 2001 г. на угодья, находившиеся в личном пользовании граждан, приходилось лишь 5,6% всех сельскохозяйственных площадей (в 1980 г. — 1,8%), в том числе на приусадебные участки — 3,1% (в 1980 г. — 1,3%) и на индивидуальные и коллективные сады и огороды — 0,8% (в 1980 г. — 0,2%).

7. Динамика и структура выпуска

Несмотря на то что в пользовании граждан находится ничтожно малая доля сельскохозяйственных угодий, именно хозяйства населения являются сегодня ведущим сектором российского сельского хозяйства, сменив в этом качестве сельскохозяйственные предприятия. Уже в дореформенный период они играли исключительно важную экономическую роль, поскольку в них производилось от

Таблица 10. Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, %
(в фактически действовавших ценах; в процентах к итогу)

	1980	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100	100	100	100
В том числе: сельскохозяйственные организации	71,0	73,7	68,8	67,1	57,0	54,5	50,2
хозяйства населения	29,0	26,3	31,2	31,8	39,9	43,8	47,9
крестьянские (фермерские) хозяйства	...	...	...	1,1	3,1	1,7	1,9

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Хозяйства всех категорий	100	100	100	100	100	100	100
В том числе: сельскохозяйственные организации	49,0	46,5	39,2	41,2	43,4	43,9	42,2
хозяйства населения	49,1	51,1	58,6	56,3	53,6	52,4	53,8
крестьянские (фермерские) хозяйства	1,9	2,4	2,2	2,5	3,0	3,7	4,0

четверти до трети всей продукции сельского хозяйства. С началом реформ объемы производимой ими продукции стали быстро увеличиваться: за 1990—2002 гг. она выросла в сопоставимых ценах на 35% (табл. 9). Одновременно происходило не менее “энергичное” сокращение объемов продукции, производившейся сельскохозяйственными предприятиями: за 1990—2002 гг. она уменьшилась в сопоставимых ценах на 58%. Под воздействием двух этих параллельных процессов удельный вес хозяйств населения в общем объеме сельскохозяйственного производства неуклонно повышался и к настоящему моменту превысил отметку 50% (табл. 10). Соответственно вклад сельскохозяйственных предприятий сократился с примерно 74% в 1991 г. до примерно 42% в 2002 г.

Российскую организацию сельского хозяйства, когда ведущими агропроизводителями выступают не сельскохозяйственные предприятия и не крестьянские фермерские хозяйства, а подсобные хозяйства населения, для которых эта деятельность является дополнительной (по отношению к другим формам занятости их членов) или вспомогательной (по отношению к другим источникам доходов), следует признать необычной, а возможно, и уникальной. Парадоксальность ситуации трудно переоценить: в обществе, которое по многим признакам приближается к постиндустриальному, миллионы людей занимаются примитивным ручным трудом, практически без применения машин и оборудования, и этот труд обеспечивает свыше половины всей производимой в стране сельскохозяйственной продукции!

Таблица 11. Индексы физического объема продукции растениеводства и животноводства в хозяйствах населения, % (в сопоставимых ценах, 1990 г. = 100%)

Годы	Продукция растениеводства	Продукция животноводства
1991	124,6	102,6
1992	149,6	105,4
1993	159,5	106,0
1994	156,8	99,2
1995	182,1	95,0
1996	186,4	92,7
1997	187,4	90,8
1998	169,0	90,6
1999	176,4	91,7
2000	199,9	92,9
2001	208,1	94,6
2002	208,5	94,7

Таблица 12. Производство основных видов сельскохозяйственной продукции в хозяйствах населения, 1986—2002 гг.

	1986—1990	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Картофель, млн. т	21,4	24,8	24,8	29,9	31,1	29,8	35,9
Овощи, млн. т	3,1	4,8	4,9	5,5	6,3	6,4	8,3
Плоды и ягоды, млн. т	1,3	1,4	1,4	2,0	1,9	1,6	1,7
Скот и птица на убой (в убойном весе), млн. т	2,4	2,9	2,9	2,9	3,0	2,9	2,8
Молоко, млн. т	12,7	13,5	13,5	14,8	16,1	16,3	16,3
Яйца, млрд. шт.	10,2	10,4	10,4	11,2	10,9	10,8	10,2

Окончание табл. 12

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Картофель, млн. т	34,9	33,8	28,7	28,8	31,4	32,4	30,6
Овощи, млн. т	8,2	8,5	8,4	9,5	9,7	10,6	10,6
Плоды и ягоды, млн. т	2,4	2,2	2,1	1,8	2,7	2,4	3,0
Скот и птица на убой (в убойном весе), млн. т	2,8	2,7	2,7	2,6	2,6	2,5	2,6
Молоко, млн. т	16,3	16,1	16,0	16,0	16,4	16,8	16,8
Яйца, млрд. шт.	9,9	9,8	9,9	9,8	9,8	9,9	9,7

Ситуация в двух основных подотраслях сельского хозяйства — растениеводстве и животноводстве — была не вполне симметричной (табл. 11). Если физический объем продукции растениеводства, производимой в ЛПХ, по сравнению с 1990 г. удвоился, то физический объем продукции животноводства остался практически на исходном уровне (имело место даже небольшое кумулятивное сокращение, составившее 5,3%). Таким образом, производство в ЛПХ приобретало все более отчетливо выраженную растениеводческую специализацию. Объяснялось это, по-видимому, существенно меньшей трудоемкостью и сложностью данного вида сельскохозяйственного производства. (Следует также учесть, что дачные хозяйства городских жителей практически полностью ориентированы на производство растениеводческой продукции и практически не производят животноводческую.)

Показательна в этом отношении динамика производства по отдельным видам сельскохозяйственной продукции. По сравнению с дореформенным периодом ЛПХ стали производить в 1,5 раза больше картофеля, в 3,5 раза — овощей, почти в 2 раза — плодов и ягод, в 1,3 раза — молока (табл. 12). В то же время производство мяса и яиц осталось по существу на дореформенном уровне.

Показатели выпуска, как и показатели ресурсной обеспеченности, свидетельствуют, что пик активности ЛПХ пришелся на 1993—1995 гг. Так, точка максимума по производству картофеля была достигнута в 1995 г., мяса — 1993 г., яиц — 1994 г. (см. табл. 12). Производство молока фактически стабилизировалось на уровне, достигнутом в 1994 г., и только сборы овощей и фруктов демонстрировали тенденцию к некоторому росту и в более поздние годы.

Естественно, что в пореформенный период выросло не только абсолютное, но и относительное экономическое значение ЛПХ. Сельскохозяйственные предприятия сохранили доминирующие позиции только в наиболее “индустриальных” видах аграрного производства — выращивании зерновых, сахарной свеклы и масличных (табл. 13). В то же время практически весь картофель и все овощи стали выращиваться в хозяйствах населения: их доля в сборе картофеля выросла с 60 до 90%, а овощей — с 25 до 80%. Вдвое увеличился и их вклад в производство мяса и молока (с 25—26 до 50—58%).

Здесь, однако, необходимо напомнить о важной особенности производства в ЛПХ. Дело в том, что основная часть выпускаемой ими продукции не поступает на рынок, а используется непосредственно внутри домохозяйств. Как видно из табл. 14, в подсобном сельском хозяйстве доминирует производство не для продажи, а для собственного потребления. На рынок поступает всего лишь 10% производимого в ЛПХ картофеля, 8% овощей, 20% мяса и молока, 8% яиц. Как ни удивительно, но по сравнению с дореформенным периодом уровень товарности подсобного сельского хозяйства заметно снизился (причина — опережающий рост “дачного” сегмента). Интересно, что приведенные оценки хорошо согласуются с данными о распределении за-

Таблица 13. Доля хозяйств населения в производстве основных видов сельскохозяйственной продукции, 1985–2002 гг. (в процентах от хозяйств всех категорий)

	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Зерно (в весе после доработки)	0,4	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,9
Сахарная свекла (фабричная)	—	0,0	0,02	0,2	0,3	0,7	0,6
Семена подсолнечника	1,2	1,4	1,2	1,2	1,5	1,6	1,4
Картофель	61,0	66,1	72,2	78,0	82,5	88,1	89,9
Овощи	25,0	30,1	46,4	54,7	64,5	66,7	73,4
Фрукты и ягоды	—	50,5	64,8	68,7	68,5	77,4	77,4
Скот и птица на убой (в убойном весе)	25,8	24,8	30,5	35,3	39,5	43,2	48,6
Молоко	25,0	23,8	26,0	31,4	34,7	38,7	41,4
Яйца	22,5	21,6	22,2	26,0	27,1	28,8	30,2

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Зерно (в весе после доработки)	0,8	0,8	0,9	0,9	0,9	0,8	0,9
Сахарная свекла (фабричная)	0,7	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7	1,0
Семена подсолнечника	1,6	1,4	1,5	1,3	1,4	1,4	1,6
Картофель	90,2	91,3	91,2	92,0	92,4	92,5	93,0
Овощи	76,8	76,3	79,6	77,0	77,9	79,9	81,5
Фрукты и ягоды	76,7	79,1	87,0	87,4	86,3	85,8	88,8
Скот и птица на убой (в убойном весе)	51,6	55,9	56,9	59,4	57,9	57,1	55,2
Молоко	45,4	47,2	48,3	49,7	50,9	50,9	50,3
Яйца	31,2	30,4	30,1	29,5	28,7	28,1	26,8

нятых в нем работников между производством на рынок и для собственного потребления. (Напомним, что согласно этим данным, на долю рыночного сегмента приходится 14,4% занятых и 17,6% затрат рабочего времени.)

Традиционно эффективность подсобного сельского хозяйства оценивается как исключительно низкая. По выражению А. Полетаева, “ни о какой эффективности этой деятельности (в ЛПХ. — Р.К.) не может быть и речи”²⁰. Действительно, как следует из оценок, представленных в табл. 16, хозяйства

²⁰ Полетаев А.В. Указ. соч.

Таблица 14. Товарность сельскохозяйственного производства в хозяйствах населения, 1991—2002 гг. (реализовано в процентах от общего объема производства)

	1991	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	Справочно: в с/х орг., 2002 г.
Картофель	20,0	11,7	9,8	9,7	10,9	8,2	9,0	10,1	9,5	50,0
Овощи	14,8	8,5	8,2	8,7	8,9	7,1	8,1	7,9	7,7	83,3
Плоды и ягоды	20,5	12,8	н.д.	н.д.	н.д.	10,9	9,5	3,9	2,6	85,1
Скот и птица (в живом весе)	21,5	23,0	23,3	22,9	22,4	24,1	23,9	19,1	32,4	100
Молоко	17,7	18,0	18,0	17,4	17,4	18,7	19,8	21,0	18,2	83,7
Яйца	8,9	8,2	8,2	8,2	8,2	8,2	7,6	7,5	5,8	89,6

населения отличаются чрезвычайно низкими показателями урожайности основных сельскохозяйственных культур и продуктивности скота. Причем, если урожайность большей части сельскохозяйственных культур на протяжении 1990-х гг. оставалась у них примерно на том же уровне, что и до начала реформ, то продуктивность скота ощутимо снизилась. Это означает, что даже в тех случаях, когда в ЛПХ наблюдался рост абсолютных объемов производства, он практически целиком достигался за счет экстенсивных факторов (расширения посевных площадей и, по-видимому, увеличения затрат рабочего времени). Ни о каком росте производительности и эффективности в этот период действительно “не могло быть и речи”.

Однако сопоставление с результатами экономической деятельности сельскохозяйственных предприятий заставляет несколько скорректировать категоричность этого вывода. Как следует из табл. 15, у сельскохозяйственных предприятий (т.е. бывших колхозов и совхозов) показатели урожайности основных сельскохозяйственных культур и продуктивности скота оказываются еще ниже, причем по многим видам продукции существенно ниже, чем в ЛПХ. Так, продуктивность свиноводства была у них ниже в 4 раза, чем в хозяйствах населения, выращивания крупного рогатого скота — в 2 раза, урожайность овощей — в 2 раза и т.д. (данные за 1997 г.).

Конечно, подобное прямое сопоставление является не вполне корректным и не обязательно свидетельствует о более высокой эффективности деятельности ЛПХ, поскольку она, как мы видели, характеризуется намного более высоким уровнем затрат труда. Уже отмечалось, что примерно две трети общих затрат рабочего времени в сельском хозяйстве приходится на хозяйства населения и лишь треть на агропредприятия (включая фермерские хозяйства).

Таблица 15. Показатели урожайности и продуктивности скота в хозяйствах населения, 1991—2002 гг.

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Картофель, ц с 1 га	113	115	123	114	106	120	116
Овощи, ц с 1 га	148	159	156	151	139	161	154
Плоды и ягоды, ц с 1 га	37	42	54	49	37	36	50
Надой молока на одну корову, л	2582	2543	2247	2497	2407	2388	2412
Средний годовой настриг шерсти с одной овцы, кг	4,2	4,2	3,9	3,6	3,6	3,1	3,1
Выращено на одну голову, кг:							
крупный рогатый скот	188	182	178	168	168	156	151
свины	300	273	245	234	234	202	191

	1997	1999	2000	2001	2002	Справочно: в с/х орг., 1997 г.
Картофель, ц с 1 га	113	97	105	109	102	92
Овощи, ц с 1 га	151	154	152	158	156	116
Плоды и ягоды, ц с 1 га	45	34	49	43	52	24
Надой молока на одну корову, л	2462	2615	2687	2767	2886	2074
Средний годовой настриг шерсти с одной овцы, кг	3,1	3,0	3,1	3,1	3,2	2,8
Выращено на одну голову, кг:						
крупный рогатый скот	156	174	176	184	173	68
свины	195	196	180	202	204	54

Имеющиеся агрегированные данные о выпуске продукции и отработанном времени позволяют получить сравнительные оценки производительности труда в этих секторах. По нашим ориентировочным подсчетам, если в секторе сельскохозяйственных предприятий в 2002 г. за один человеко-час производилось продукции в среднем на 45 руб., то в секторе ЛПХ — только на 24 руб. Другими словами, имел место почти двукратный разрыв в часовой производительности.

Здесь, однако, следует учесть, что, во-первых, структура выпуска в рассматриваемых секторах существенно отличается: очевидно, что хозяйства населения специализируются преимущественно на выпуске более трудоемких видов сельскохозяйственной продукции. Во-вторых, если в ЛПХ выше трудоемкость производства, то в сельскохозяйственных предприятиях на-

много выше капитало- и материалоемкость. Для оценки эффективности различных типов сельскохозяйственного производства необходимо располагать показателями общей факторной производительности, которые в настоящее время, к сожалению, недоступны.

8. Вклад ЛПХ в экономическое благосостояние российских семей

Исходя из того, какой огромный объем трудовых ресурсов сконцентрирован в ЛПХ и насколько велика доля производимой ими продукции в общем выпуске сельского хозяйства, естественно было бы ожидать, что поступления с личных земельных участков являются важнейшим источником обеспечения российских семей средствами существования. Собственно к этому и сводится общепринятая точка зрения. Действительно, если обратиться к оценкам, характеризующим физические объемы потребления отдельных продуктов питания, то трудно удержаться от вывода, что российские семьи кормятся в основном со своих приусадебных и дачных участков, и что работа на них представляет собой главный элемент стратегии выживания, выработанной ими в переходный период.

Наиболее красноречивым свидетельством этого служат данные об обороте продуктов питания, который до середины 1990-х гг. рассчитывался Госкомстатом России по результатам выборочных Обследований бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ). Введя некоторые упрощающие предпосылки, их можно использовать для оценки вклада “домашнего” сельскохозяйственного производства в общий объем потребления семьями различных продуктов питания²¹.

Как видно из табл. 16, в дореформенный период приусадебные и дачные участки обеспечивали почти 60% потребляемого в российских семьях картофеля, порядка 20% — овощей, фруктов и яиц, свыше 15% мяса и более 10% молока. Однако в первой половине 1990-х гг. стратегия “опоры на собственные силы” резко активизировалась. ЛПХ стали давать почти 80% потребляемого картофеля, свыше 60% овощей, около 40% фруктов и примерно 30% мяса, молока и яиц. Нетрудно заметить, что резкое увеличение в общем объеме потребления доли продуктов, получаемых от натурального хозяйства, фактически совпало с началом реформ. Точка максимума по большинству продуктов питания была достигнута в 1994 г., после чего дальнейший рост вклада ЛПХ в потребление домохозяйств замедлился либо приостановился.

В то же время как источник денежного дохода подсобное сельское хозяйство, по-видимому, никогда не имело большого значения. Анализируя показатели товарности подсобного сельскохозяйственного производства,

---

²¹ Главная из этих упрощающих предпосылок состоит в том, что все купленные продукты питания полностью потреблялись затем в самих семьях.

Таблица 16. Доля полученных не через рынок продуктов питания в общем объеме их потребления домохозяйствами, по категориям продуктов, 1980—1996 гг., %

	1980	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Картофель	55,1	56,9	56,9	62,4	71,8	73,6	80,4	78,6	78,6
Овощи и бахчевые	21,6	21,9	24,2	31,7	44,9	50,7	54,0	58,2	62,4
Фрукты и ягоды	12,6	18,6	21,4	27,5	40,3	37,0	35,2	36,0	38,4
Мясо и мясопродукты	17,0	16,6	15,8	18,6	26,3	25,3	31,8	28,9	26,5
Молоко и молочные продукты	13,7	12,6	11,5	14,2	20,2	23,1	34,3	32,8	31,9
Яйца	21,9	19,2	19,7	21,6	26,8	27,8	36,6	31,0	30,9

мы отмечали, что с началом реформ произошел резкий сдвиг в сторону его дальнейшей натурализации: ЛПХ стали все сильнее замыкаться на самих себя, степень их “маркетизации” заметно снизилась практически по всем продуктам питания. Фактически только средства от продажи мяса и отчасти молока могли обеспечивать более или менее солидную прибавку к денежным доходам российских семей, тогда как все остальные продукты, получаемые от ЛПХ, поступали в основном “на стол”²².

Обобщенную оценку вклада ЛПХ в благосостояние российских семей позволяют получить данные ОБДХ, относящиеся к более позднему времени — 1997—2002 гг. В этот период Госкомстат России перешел к использованию концепции располагаемых ресурсов, в рамках которой производится оценка денежного эквивалента натуральных поступлений продуктов питания от личных подсобных хозяйств населения.

Согласно этим данным, в последние годы натуральные поступления составляли 7—10% располагаемых ресурсов российских домохозяйств (табл. 17). “Расходная” сторона этого феномена выглядела практически идентично: доля натуральных поступлений продуктов питания от ЛПХ в общих потребитель-

²² Вывод о малой значимости ЛПХ в качестве источника денежного дохода семей подтверждается другими источниками. Для начала 1990-х гг. имеются два альтернативных ряда оценок — во-первых, на основе баланса денежных доходов и расходов населения (макроданные), и во-вторых, на основе ОБДХ (микроданные). Оба источника дают очень близкие оценки и подтверждают, что доля поступлений от продажи сельскохозяйственной продукции в общих денежных доходах населения была в этот период ничтожно мала — 2—5%. Для городских семей такого рода прибавка была просто микроскопической (так, в 1996 г. они получили за счет этого источника всего лишь 0,2% всех денежных доходов). Для сельских семей, естественно, ситуация была несколько иной: продажа сельскохозяйственной продукции, кормов, скота обеспечивала им порядка 15% всех денежных поступлений. Очевидно, что основные источники денежных доходов даже сельских семей находились за пределами личных подсобных хозяйств.

ских расходах также варьировалась в пределах 7—9%. Поскольку расходы на питание составляют примерно половину потребительского бюджета российских семей, то на долю натуральной продукции ЛПХ приходилось примерно 14—18% стоимости питания. Таким образом, в настоящее время подсобное сельское хозяйство обеспечивает не более седьмой части всех продуктов питания, потребляемых в российских семьях. Эта величина представляется весомой, но отнюдь не “запредельной”.

Таблица 17. Доля натуральных поступлений в располагаемых ресурсах и в расходах на конечное потребление, 1997—2002 гг., % (по бюджетным обследованиям домохозяйств)

	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Доля натуральных поступлений продуктов питания в располагаемых ресурсах:						
все домохозяйства	9,6	9,9	9,1	7,9	8,0	7,1
в городской местности	6,6	7,0	5,2	4,5	4,6	4,1
в сельской местности	27,4	28,1	24,7	21,9	21,9	19,9
Доля натуральных поступлений продуктов питания из личного подсобного хозяйства в расходах на конечное потребление:						
все домохозяйства	9,5	9,2	8,6	7,7	7,6	6,9
в городской местности	4,3	4,4	4,2	3,9	4,0	3,7
в сельской местности	28,7	27,6	25,1	22,6	22,3	20,6
Доля натуральных поступлений продуктов питания из личного подсобного хозяйства в стоимости питания:						
все домохозяйства	18,4	15,9	14,8	14,5	14,4	14,3
в городской местности	8,8	7,8	7,6	7,7	8,0	8,1
в сельской местности	45,9	40,4	37,3	35,4	35,6	35,0

Разумеется, за усредненными показателями может скрываться сильная дифференциация по различным типам домохозяйств. Прежде всего необходимо разграничить городские и сельские семьи, поскольку, как уже отмечалось, приусадебные хозяйства сельских жителей и дачные хозяйства городских — это два разных типа сельскохозяйственного производства, отличающиеся не только по размерам, но также по организации и направленности деятельности.

В 1997—2002 гг. натуральные поступления продуктов питания обеспечивали 4—7% всех располагаемых ресурсов городских домохозяйств и 20—28% — сельских (см. табл. 17). На долю продуктов питания, полученных за

счет деятельности в ЛПХ, приходилось 3—4% потребительских расходов городских семей и 20—29% — сельских. По отношению к расходам на питание они составляли 7—9% в городах и 35—45% на селе. Обращает на себя внимание тот факт, что с точки зрения благосостояния семей значение ЛПХ на протяжении рассматриваемого периода пусть медленно, но снижалось²³.

В любом случае можно констатировать, что для горожан продукция ЛПХ уже не имеет сколько-нибудь серьезного значения: отказ от нее означал бы снижение среднего уровня их жизни на 3—4%. Это гипотетическая потеря в уровне благосостояния была бы намного меньше тех провалов в реальных доходах, которые населению России пришлось пережить в 1990-е гг. под действием сверхсильных макроэкономических шоков.

Не столь однозначно выглядит ситуация с сельскими домохозяйствами. Очевидно, что личные подсобные хозяйства представляют для них один из главных и наиболее доступных источников пополнения семейного бюджета — в большей мере натуральными продуктами, в меньшей мере — денежными поступлениями. Но и для сельских семей значимость этой деятельности, как мы могли убедиться, стала постепенно снижаться и в настоящее время их семейные бюджеты зависят от нее не более чем на 20%.

Контраст между весьма существенным вкладом ЛПХ в потребление некоторых продуктов питания и их достаточно скромным вкладом в располагаемые ресурсы и потребительские расходы объясняется тем, что в подавляющем большинстве случаев хозяйства населения специализируются на производстве наиболее дешевых видов продуктов (таких, как картофель). В результате при переводе натуральных единиц в денежные значимость продукции ЛПХ с точки зрения экономического благосостояния российских семей оказывается не столь уж высокой. Преобладающую часть продуктов питания российские семьи, в том числе и сельские, получают сегодня по рыночным каналам.

Однако для беднейших семей значение ЛПХ может быть намного выше, чем рисуют усредненные показатели. Именно для них поступления с приусадебных и дачных участков могут выступать в роли главного источника средств существования. Напротив, для более состоятельных семей активность в ЛПХ вообще может быть лишена какого бы то ни было экономического смысла.

Данные ОБДХ подтверждают, что для низкодоходных семей натуральная продукция подсобного сельского хозяйства действительно имеет намного более важное значение, чем для высокодоходных (табл. 18—20). Нетрудно заметить, что с повышением уровня благосостояния доля натуральных поступлений

---

²³ Особенно отчетливо это заметно на примере сельских домохозяйств: вклад натуральных поступлений от ЛПХ как в их располагаемые ресурсы, так и в потребительские расходы сократился за эти годы примерно на 10 процентных пунктов.

в располагаемых ресурсах монотонно снижается. Так, у домохозяйств высшей децильной группы она оказывается в два-три раза ниже, чем у домохозяйств низшей децильной группы: 4—6% против 12—15%. Аналогично выглядит и соотношение между этими группами по доле поступлений натуральных продуктов питания в общих расходах на конечное потребление: 4—5% против 11—12%. Наконец, если у высшей децильной группы “свои” продукты составляют в расходах на питание 11—12%, то у низшей — 16—17%. Все указывает на то, что чем выше уровень благосостояния, тем слабее степень вовлеченности домохозяйств в “натуральное” сельскохозяйственное производство²⁴.

Таблица 18. Доля натуральных поступлений продуктов питания в располагаемых ресурсах по децильным группам в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов, 1997—2002 гг., %*

	Децильные группы									
	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я	10-я
1997	14,0	13,4	13,1	12,7	11,7	10,3	9,0	7,8	7,8	8,8
1998	14,8	14,0	13,3	12,7	11,4	10,3	8,9	7,5	7,2	10,2
1999	14,5	14,3	13,7	13,1	12,1	11,0	9,6	8,2	7,1	6,0
2000	12,7	12,5	12,0	11,3	10,6	9,7	8,5	7,1	6,2	4,8
2001	13,4	13,0	12,4	11,6	10,8	9,7	8,3	7,1	6,4	4,9
2002	13,0	12,0	11,5	10,6	9,6	8,7	7,4	6,2	5,6	4,3

* Включая стоимость полученных подарков и других поступлений.

Но здесь обнаруживается любопытный парадокс²⁵. При переходе от относительных показателей к абсолютным (табл. 21) выясняется, что объемы продукции, получаемой от ЛПХ, не снижаются, а практически монотонно возрастают по мере увеличения благосостояния семей! Так, в 2002 г. домохозяйства из высшей децильной группы производили и потребляли

²⁴ Отметим также, что участие в подсобном сельском хозяйстве является, по-видимому, одним из ведущих компенсаторных механизмов, используемых домохозяйствами при резком ухудшении ситуации на “формальном” рынке труда. Анализ показывает, что региональные уровни безработицы положительно и статистически значимо связаны с региональными уровнями первичной занятости в нерыночном сегменте ЛПХ (в то же время никакой связи между безработицей и другими компонентами занятости в ЛПХ не прослеживается). Согласно нашим оценкам, повышение безработицы на 1 процентный пункт сопровождается увеличением первичной занятости в нерыночном сегменте ЛПХ примерно на 0,8 процентных пунктов (данные за 2002 г., результат значим на 1%-м уровне существенности). Таким образом, рост безработицы оказывается фактором, “заталкивающим” многих работников в анклав экономики самообеспечения.

²⁵ На это обратил внимание А. Полетаев (Полетаев А.В. Указ. соч.).

Таблица 19. Доля натуральных поступлений продуктов питания из личных подсобных хозяйств в расходах на конечное потребление в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов, 1998—2002 гг., %

	Децильные группы									
	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я	10-я
1998	12,2	11,9	11,6	11,2	10,1	9,5	8,3	7,0	6,9	9,9
1999	12,1	12,2	11,9	11,6	10,9	10,0	9,0	7,8	6,8	6,0
2000	10,9	11,1	10,7	10,2	9,7	9,1	8,1	7,1	6,4	5,2
2001	11,4	11,6	11,1	10,5	9,9	9,1	7,8	6,9	6,2	5,1
2002	11,3	10,9	10,7	10,1	9,0	8,2	7,2	6,0	5,4	4,4

Таблица 20. Доля натуральных продуктов питания из личных подсобных хозяйств в общей стоимости питания по децильным группам в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов, 1998—2002 гг., %

	Децильные группы									
	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я	10-я
1998	17,3	17,2	17,1	16,9	15,2	15,3	14,5	12,7	13,0	19,6
1999	17,4	17,7	17,4	17,3	16,7	16,1	15,0	13,9	12,4	12,7
2000	16,3	16,8	16,6	16,2	16,0	15,5	14,9	13,7	12,7	12,5
2001	16,9	17,4	17,1	16,5	15,9	15,6	14,3	13,5	12,9	12,2
2002	17,3	17,1	17,2	16,7	15,6	14,8	14,3	12,9	12,5	12,5

Таблица 21. Стоимость натуральных поступлений продуктов питания из личных подсобных хозяйств на одно домохозяйство в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов, 1998—2002 гг., руб.*

	Децильные группы									
	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я	10-я
1998	186,2	277,7	346,1	416,5	498,1	585,8	700	849,1	1021,5	1559,0
1999	33,6	51,3	62,7	74,2	83,1	91,2	96,1	102,3	108,1	145,1
2000	41,4	62,8	75,7	86,7	98,8	107,9	116,2	121,2	131,2	165,2
2001	60,3	90,1	108,1	123,2	137,9	148,6	156,0	165,1	186,6	225,6
2002	78,5	109,4	132,3	149,6	159,4	172,2	184,4	187,5	210,5	258,9

* 1998 — тыс. руб.

в 3 с лишним раза (!) больше продуктов питания собственного производства, чем домохозяйства из низшей децильной группы (в 1997 г. этот разрыв доходил до 10 раз).

Не менее выразительные результаты дает анализ распределения по децильным группам общего объема натуральных продуктов питания, получаемых российскими семьями от ЛПХ (табл. 22). Оказывается, что, например, в 2002 г. на долю двух самых обеспеченных децильных групп приходилось почти 30% всей продукции, произведенной в ЛПХ, тогда как на долю двух самых необеспеченных — чуть более 10%. Эти результаты плохо согласуются с общепринятой точкой зрения, согласно которой деятельность семей по самообеспечению продуктами питания является реакцией на недостаточный уровень денежных доходов. Ситуация оказывается в каком-то смысле обратной: масштабы “домашнего” сельскохозяйственного производства не снижаются, а, напротив, возрастают с повышением уровня благосостояния семьи²⁶.

Таблица 22. *Распределение натуральных поступлений продуктов питания из личных подсобных хозяйств по децильным группам в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов, 1998—2002 гг., % (все натуральные поступления продуктов питания из личных подсобных хозяйств = 100%)*

	Децильные группы									
	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я	10-я
1998	2,9	4,3	5,4	6,5	7,7	9,1	10,9	13,2	15,9	24,2
1999	4,0	6,1	7,4	8,8	9,8	10,8	11,3	12,1	12,6	17,1
2000	4,1	6,2	7,5	8,6	9,8	10,7	11,5	12,0	13,0	16,6
2001	4,3	6,4	7,7	8,8	9,8	10,6	11,1	11,8	13,3	16,2
2002	4,8	6,7	8,1	9,1	9,7	10,5	11,2	11,4	12,8	15,7

Однако эта закономерность кажется парадоксальной только на первый взгляд. Очевидно, что более состоятельные сельские жители обладают большими по площади земельными участками и соответственно получают от них больше продукции, значительная часть которой поступает затем “на стол”. Что касается горожан, то для них характерна тесная корреляция между уровнем доходов и наличием дач. Обладание ими является обязательным

²⁶ Регрессионный анализ, проведенный С. Кларком по материалам ряда выборочных обследований (Clarke S. Op. cit.), показал, что наилучшим предиктором вовлеченности (невовлеченности) городских семей в подсобное сельское хозяйство является наличие (отсутствие) у них автомобиля (в качестве других предикторов выступали уровень душевого дохода, регистрация в государственных службах занятости в качестве безработного, наличие задержек заработной платы, пребывание в административном отпуске, вынужденная работа в режиме неполного рабочего времени и т. д.). Маловероятно, чтобы большинство семей, где есть автомобиль, принадлежали к числу беднейших домохозяйств.

Рис. 8. *Оценки экономической значимости потребления продукции собственного производства*

атрибутом образа жизни высокодоходных групп городского населения. Как следствие, абсолютные объемы продукции “дачной” деятельности в расчете на одну семью оказываются у них выше, чем у низкодоходных групп.

Результаты анализа микроданных ОБДХ согласуются с результатами анализа макропоказателей СНС. Как видно из рис. 8, в 2002 г. на долю “продукции собственного производства” домашних хозяйств приходилось около 4% ВВП, около 7% фактического конечного потребления и около 8% потребительских расходов²⁷. По-видимому, относительное значение ЛПХ было максимальным в период 1994—1996 гг., когда их продукция составляла более 5% ВВП и более 10% потребительских расходов домашних хозяйств. Однако в настоящее время их роль сопоставима с той, какую они играли в 1992 г.²⁸

Подводя итоги можно сказать, что налицо явное несоответствие между гигантскими затратами труда в секторе ЛПХ, с одной стороны, и его более чем скромным вкладом в благосостояние и потребление российских домо-

²⁷ Следует иметь в виду, что эти оценки не учитывают той части продукции ЛПХ, которая реализуется на рынке.

²⁸ Отметим, что вклад “формального” сектора сельского хозяйства в производство валового внутреннего продукта еще меньше — 2—2,5%. (Оценка получена путем вычитания из общей доли сельского хозяйства в ВВП доли продукции собственного производства домашних хозяйств.)

хозяйств, с другой стороны. Напомним, что в деятельности на приусадебных и дачных участках регулярно участвует не менее четверти взрослого населения страны; что связанные с ней затраты рабочего времени составляют седьмую часть общего количества отработанных в российской экономике человеко-часов; что такого рода деятельность обеспечивает свыше половины всего объема выпуска сельского хозяйства; но что ее вклад в благосостояние и потребление российских домохозяйств не достигает даже 10%-й отметки. Этот разрыв свидетельствует о крайне низкой производительности и эффективности, характерных для сектора ЛПХ.

Заключение

Личные подсобные хозяйства представляют собой необычный экономический, социальный и культурный феномен, которому трудно подыскать прямые аналоги в экономической истории других стран. Его анализ приводит к следующим основным выводам:

- деятельностью в ЛПХ занята примерно четверть взрослого населения страны, а в пик аграрного сезона этот показатель достигает 40%. В условиях российской экономики деятельность в ЛПХ представляет собой ведущую форму нестандартной занятости;
- по численности занятых сектор ЛПХ почти втрое превосходит “формальный” сектор российского сельского хозяйства;
- деятельность ЛПХ в большей мере ориентирована на выпуск нерыночной, чем рыночной продукции. В то же время занятость в них примерно в равных пропорциях распадается на первичную (для кого она является единственным доходным занятием) и вторичную (для кого она является дополнительным доходным занятием);
- при включении работающих в ЛПХ в состав занятого населения уровень занятости в России возрастает до отметки 65—70%²⁹. Для страны с чрезвычайно высокими показателями охвата молодежи высшим образованием и чрезвычайно низкой возрастной планкой выхода на пенсию, лишь недавно вышедшей из глубокой и затяжной трансформационной рецессии, этот результат нельзя не признать поразительным. Его можно рассматривать как косвенное свидетельство высокой адаптивности российского рынка труда;

---

²⁹ Напомним, что официальные оценки Госкомстата России относятся к населению в возрасте 15—72 года. При пересчете на более узкий интервал — 15—64 года — уровень занятости в России, скорректированный на первичную занятость в нерыночном сегменте ЛПХ, увеличивается до 73% и вообще оказывается одним из самых высоких в мире! По степени вовлеченности населения в трудовую активность все другие страны с переходной экономикой остаются далеко позади. Во всем мире показатели, сопоставимые с этим уровнем, имеют только США и скандинавские страны.

- занятость в ЛПХ носит универсальный характер, нет ни одной социально-демографической группы, которая в той или иной мере не была бы ею затронута;
- социально-демографический профиль занятости в секторе ЛПХ смещен в пользу женщин; сельского населения; самых старших возрастных групп; лиц с низким уровнем образованием. Однако основную массу используемой в нем рабочей силы составляют лица наиболее активных трудоспособных возрастов, имеющие среднее общее или среднее профессиональное образование;
- большую часть вторично занятых в подсобном сельском хозяйстве составляют те, кто по статусу на своей основной работе являются наемными работниками; работают в режиме полного рабочего времени; заняты на средних и крупных предприятиях; имеют рабочие профессии; трудятся в промышленности или сельском хозяйстве;
- подсобное сельское хозяйство поглощает примерно 15% общего фонда рабочего времени, которым располагает российская экономика. Средняя продолжительность рабочей недели в нем составляет два полных рабочих дня и более чем вдвое короче, чем во всей экономике в целом;
- в настоящее время две трети российских домохозяйств имеют в своем пользовании земельные участки. Это предполагает, что в течение календарного года вовлеченными в деятельность ЛПХ оказываются 60—65% взрослого населения страны;
- по сравнению с концом 1980-х — началом 1990-х гг. численность домохозяйств, имеющих земельные участки, увеличилась примерно на 20—30%, площадь используемых ими земель — более чем вдвое, выпуск (в сопоставимых ценах) — на 30—40%. Отсюда можно заключить, что за пореформенный период занятость в этом секторе выросла не менее чем на треть;
- расширение экономической активности ЛПХ происходило неравномерно. Ускоренный рост наметился еще в позднесоветский период, но в 1990—1992 гг. в связи с начавшейся массовой раздачей земель он приобрел взрывной характер, причем всплеск активности наблюдался как в приусадебных хозяйствах сельских жителей, так и в дачных хозяйствах городских. По инерции этот процесс продолжался несколько последующих лет, хотя его темпы заметно спали, а начиная с 1997—1998 гг. можно говорить о стабилизации и выходе на плато;
- ЛПХ производят свыше половины всей продукции сельского хозяйства, тогда как в дореформенный период на их долю приходилось чуть более четверти упомянутой продукции. Хозяйства населения имеют выраженную растениеводческую специализацию и в основном ориентированы на выращивание картофеля, овощей и фруктов;
- при этом подсобное сельское хозяйство отличается чрезвычайно низким

уровень товарности. На рынок поступает не более 10—15% производимой продукции, остальное идет непосредственно “на стол”;

- по уровню производительности труда “неформальный” сектор российского сельского хозяйства почти вдвое уступает “формальному”. В то же время ЛПХ демонстрируют более высокие показатели урожайности основных сельскохозяйственных культур и продуктивности скота. Можно предположить, что чаще всего они заполняли те ниши, которые по тем или иным причинам были непривлекательны для сельскохозяйственных предприятий;
- универсальность рассматриваемого феномена проявляется также и в том, что на приусадебных и дачных участках активно трудятся представители всех без исключения слоев населения — как наименее обеспеченных, так и наиболее обеспеченных, принадлежащих как к низшим, так и к высшим доходным группам;
- натуральная продукция ЛПХ, потребляемая непосредственно в самих домохозяйствах, составляет 7% от их располагаемых ресурсов. Для подавляющего большинства городских семей она уже не имеет сколько-нибудь серьезного значения, хотя продолжает оставаться важным фактором благосостояния сельских семей;
- доля натуральных поступлений продуктов питания от личного подсобного хозяйства в располагаемых ресурсах и потребительских расходах домохозяйств имеет тенденцию к убыванию с повышением уровня их материальной обеспеченности. Таким образом, эти поступления вносят относительно больший вклад в благосостояние самых бедных семей. Однако в абсолютном выражении натуральные поступления продуктов питания, напротив, намного выше у более состоятельных домохозяйств. В результате распределение этих поступлений по децильным группам в зависимости от уровня душевых располагаемых ресурсов оказывается резко смещено в пользу самых богатых слоев населения;
- как можно предположить, значимость натуральных поступлений от ЛПХ с точки зрения благосостояния домохозяйств достигла максимума к середине 1990-х гг., когда на их долю приходилось свыше 5% ВВП и свыше 10% всех потребительских расходов. В настоящее время они обеспечивают менее 4% ВВП и менее 8% потребительских расходов российского населения.

Наш анализ демонстрирует односторонность традиционной трактовки, согласно которой работа в ЛПХ — это участь самых бедных семей, для которых она является важнейшим элементом стратегии выживания в условиях переходного кризиса. Широкая вовлеченность в садово-огородную деятельность даже вполне состоятельных домохозяйств ясно показывает, что это своего рода “национальный спорт”. Хотя и в разной степени, им захвачены абсолютно все: мужчины и женщины, городское население и сельское, богатые и бедные.

Существование массивного сектора самообеспечения порождает глубокие деформации в функционировании рынка труда. Этот сектор отличаются слабая степень монетизации и низкий уровень производительности труда. Занятость в ЛПХ означает недоиспользование человеческого капитала наиболее образованной и квалифицированной части рабочей силы. Другой серьезный негативный эффект связан с ускоренным физическим износом трудовых ресурсов. Как мы видели, у тех, кто трудятся в ЛПХ на условиях вторичной занятости, продолжительность рабочей недели возрастает в аграрный сезон примерно в 1,5 раза. Садово-огородная деятельность снижает и без того крайне низкую территориальную мобильность работников, еще сильнее привязывая их к существующим рабочим местам. Вовлеченность в “домашнее” сельскохозяйственное производство во многом объясняет также и низкую готовность наемных работников к коллективным действиям. Возможно, в этом кроется одна из причин, почему на российском рынке труда механизмы “выхода” (индивидуального приспособления) получили явный перевес над механизмами “голоса” (коллективного сопротивления). Кроме того, активное участие миллионов людей в производстве продуктов питания “для себя” размывает систему трудовых отношений, способствует ее деформализации, придает ей персонализированный, непрозрачный характер. В результате явные трудовые контракты уступают место неформализованным личным договоренностям. Особенно наглядно это видно на примере аграрного сектора, где предприятия и население вступают в разветвленные симбиотические отношения, строящиеся по принципу прямого натурального обмена.

Рыночная экономика — это по определению экономика специализированных производителей. Поэтому в более общем смысле наличие обширного анклава натурального хозяйства означает утрату преимуществ от специализации и разделения труда, которые выступают важнейшим условием устойчивого экономического роста. Можно утверждать, что занятость в ЛПХ скорее подрывает гибкость функционирования рынка труда, чем способствует ее повышению.

Все это естественным образом подводит к вопросу о вероятных перспективах сектора ЛПХ. Как уже говорилось, в нем следует четко разграничивать два основных подсектора. Первый — приусадебные хозяйства сельских жителей, второй — дачные хозяйства городских. Это два очень разных типа аграрного производства, с разной структурой выпуска, разной интенсивностью труда, разным уровнем эффективности. Соответственно и будущее у них тоже может быть различным.

Пути развития приусадебных хозяйств на селе скорее всего будут зависеть от того, куда двинется “формальный” сектор сельского хозяйства, что будет происходить с крупными аграрными предприятиями, окажутся ли они спо-

способны к тому, чтобы начать вытеснять хозяйства населения из занятых ими ниш. Улучшение возможностей для занятости в рыночном секторе, растущая “монетизация” сельской экономики, резкий рост издержек ведения подсобных хозяйств, развитие транспортной сети и улучшение снабжения на селе, постепенное свертывание поддержки со стороны государства и сельскохозяйственных предприятий, увеличение социальных трансфертов также могут привести к постепенному сокращению масштабов их деятельности. В любом случае этот процесс будет очень медленным и может прерываться всплесками активности в случае серьезных экономических и социальных катаклизмов. Но если говорить о возможности преобразования ЛПХ в полноценные фермерские хозяйства, то шансы на это, по-видимому, близки к нулю.

Что касается дачных хозяйств, то здесь важно учитывать, что они представляют собой актив двойного назначения — не только производственный, но и рекреационный. В 1990-е гг. в условиях крушения прежней институциональной системы и резкого падения уровня доходов от трудовой деятельности в “официальной” экономике производственная функция дачных хозяйств вышла на передний план, оттеснив рекреационную. Однако по мере постепенной стабилизации экономической ситуации и изживания фантомных страхов перед исчезновением продуктов питания наметились признаки определенного сдвига: рекреационная функция стала вновь приобретать былое значение. Это дает основания полагать, что уже в ближайшие годы интенсивность дачного производства может пойти на убыль.

В более отдаленной перспективе многое будет зависеть, во-первых, от того, какими темпами будут расти доходы населения от занятости в формальном секторе экономики, и, во-вторых, от того, как быстро будут развиваться альтернативные, более эффективные формы досуга. Ведь ЛПХ — это не только не слишком эффективный вид производства, но и не слишком эффективный вид рекреации. Переориентация на альтернативные, более современные формы досуга может дополнительно снизить привлекательность дач в глазах городских жителей. И все же социальная укорененность рассматриваемого нами явления настолько велика, что существенного сжатия масштабов занятости в секторе самообеспечения российской экономики едва ли можно ожидать даже в долгосрочной перспективе.

Препринт WP3/2005/01

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Редактор серии *В.Е. Гимпельсон*

Капелюшников Ростислав Исаакович

Занятость в домашних хозяйствах населения

Публикуется в авторской редакции

Выпускающий редактор *А.В. Заиченко*

Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 4,4. Усл. печ. л. 3,48. Заказ № . Изд. № 462

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3